

Комитет по культуре Санкт-Петербурга
Центральная городская публичная библиотека
им. В. В. Маяковского

Личные собрания
в фондах библиотек,
архивов, музеев

Материалы 4-й конференции
по информационным ресурсам петербурговедения
16 апреля 2008 года

Л 55
ББК 79.1

Личные собрания в фондах библиотек, архивов, музеев: материалы
4-й конференции по информационным ресурсам петербурговедения
16 апреля 2008 года. – СПб.: издательство «Сударыня», 2008. – 100 с.

Конференция проведена при поддержке
Союза краеведов Санкт-Петербурга

Оргкомитет

Устинова Ольга Юрьевна (ЦГПБ) 319-41-69
Карамышева Лариса Михайловна (БАН) 328-36-92
Рудая Зинаида Абрамовна (ЦГПБ) 310-36-58
Чикирдина Ольга Юрьевна (Союз краеведов СПб) 272-29-12
Шубина Елена Ивановна (ЦГПБ) 310-36-58

ISBN 978-5-88718-002-1

© ЦГПБ им. В. В. Маяковского, 2008
© Издательство «Сударыня»,
оригинал-макет, 2008

Содержание

Чалова З. В. , директор ЦГПБ имени В. В. Маяковского. Вступительное слово	4
Марголис А. Д. Материалы о жизни и творчестве Н. П. Анциферова (опыт источниковедческого анализа)	6
Георгиевская Л. С., Ярошецкая В. П. Историк города С. М. Вяземский	12
Северюхин Д. Я. Художественный салон А. Е. Бурцева	19
Голубева И. А. Секретарь общества «Старый Петербург – новый Ленинград» В. М. Лосев и его архивный фонд	30
Векслер А. Ф. Рукописи В. Я. Курбатова по истории искусства в его личном фонде в Архиве Академии наук	38
Иванова А. П. Использование коллекции краеведа В. А. Гуцина в работе общедоступных библиотек Петродворцового района	50
Бахарева Г. В. Коллекция Толстовского музея в библиотеке Пушкинского дома	60
Герасимова Е. В. Великокняжеские библиофильские собрания	69
Коршунова Е. В. Авторы и авторские коллекции в собрании ГМИСПб. Коллекция открыток С. М. Бабинцева (1905 – 1992 гг.)	76
Бокариус М. Л. Собрание С. Л. Маркова и его жизнь в музее	79
Котохова Е. В. Научный архив библиотеки Голицына	85
Брюханова И. А., Суратова Н. А. Дар профессора Б. Э. Нольде	90

З. В. Чалова,
директор ЦГПБ им. В. В. Маяковского

Вступительное слово

Петербурговедение – необъятная тема, которая объединяет библиотеки, архивы и музеи нашего города. Центральная городская публичная библиотека имени В. В. Маяковского ежегодно проводит научные конференции по информационным ресурсам петербурговедения, стремясь дать возможность специалистам библиотечного, музейного и архивного дела встретиться, узнать, чем заняты коллеги, каких результатов в культурно-исторических исследованиях они достигли, наметить пути сотрудничества.

Сегодня мы проводим IV конференцию, посвященную личным собраниям в фондах библиотек, архивов и музеев. Тема личных собраний как информационного ресурса для нашего города является неисчерпаемой, т.к. в фондах наших библиотек, музеев и архивов хранится множество личных собраний писателей, ученых, общественных деятелей. К сожалению, информация о наличии таких собраний мало доступна исследователям. Для сегодняшней конференции мы выбрали два аспекта: это изучение наследия петербурговедов и опыт работы с личными собраниями, хранящимися в общественных фондах.

Как известно, Петербург был местом рождения и теоретическим центром краеведения. Классики петербурговедения Н. П. Анциферов, П. Н. Столпянский, В. Я. Курбатов и другие в первой трети двадцатого столетия вели успешные комплексные исследования города, пока краеведение в 30-е годы не было насильственно прервано и разгромлено, подобно другим «враждебным» дисциплинам: социологии и генетике. С 90-х годов мы наблюдаем новый подъем краеведения, связанный с ростом национального самосознания.

Пришла пора изучить богатое наследие, оставленное петербурговедами начала прошлого века, ответить на вопросы, насколько полно изданы их труды, как отражено наследие в

справочной литературе. Надеемся, что сообщения на эту тему будут действительно интересными, т.к. благодаря поддержке вновь созданного Союза краеведов Санкт-Петербурга нам удалось пригласить выдающихся исследователей.

Второе отделение конференции посвящено личным собраниям как ресурсу петербурговедческих исследований. Личные собрания, поступив в общественные фонды, несут отпечаток личности владельца, становятся уникальным культурно-историческим источником. Научные описания таких собраний встречаются редко, тем интереснее возможность познакомиться с ценным опытом изучения личных собраний, о котором сегодня расскажут наши коллеги из академических библиотек и музеев.

Надеемся, что наша конференция привлечет внимание к изучению личных библиотек, в том числе – к наследию петербурговедов, будет способствовать развитию этой работы в библиотеках, архивах и музеях. Хотелось бы также услышать мнения о возможностях сотрудничества, особенно при использовании современных информационных технологий.

А. Д. Марголис,
*сопредседатель С.-Петербургского городского
отделения Всероссийского общества охраны памятников
истории и культуры (ВООПИК)*

**Материалы о жизни и творчестве Н. П. Анциферова
(опыт источниковедческого анализа)**

Несколько слов об общественных организациях, которые я представляю. В прошлом году М. С. Штиглиц и я были избраны сопредседателями Петербургского отделения Всероссийского общества по охране памятников истории и культуры. Мы пытаемся активизировать деятельность общества. В наши дни угроза историческому наследию становится все сильнее, и мы заинтересованы в сотрудничестве с библиотечным сообществом в первую очередь. Недавно, 19 марта, состоялось учредительное собрание Союза краеведов Санкт-Петербурга, в правление которого я также вошел. Региональную организацию в Петербурге возглавляет Александр Валерьевич Кобак, известный петербурговед, директор Фонда имени Д. С. Лихачева.

Среди первых начинаний союза краеведов – действительно большая работа, которая предполагает объединение усилий многих учреждений и многих людей. Речь идет о подготовке и издании словаря петербургских краеведов. Аналогичная работа уже давно проведена нашими коллегами в Москве, где био-библиографический словарь москвоведов давно существует, уже готовится второе издание. В Петербурге эта работа с разных концов начиналась, сейчас, я надеюсь, она приобретет реальные формы. Естественно, в XXI веке словарь получит и электронный формат, будет выпущен на CD, размещен в сети. Наша конференция – прекрасное место для обмена мнениями по поводу этого проекта, т.к. представители многих библиотек, архивов, музеев могут быть участниками этой работы, и, я надеюсь, будут. В Союзе краеведов создается комиссия, которая приступит к формированию словника, местом «сборки» мы можем объявить библиотеку Маяковского, Центр петербурговедения.

После того, как предложения будут собраны, мы можем провести серию совещаний для обсуждения словника, в которых примут участие и коллеги из Москвы, например, С. О. Шмидт, почетный председатель Союза краеведов России, который является главным редактором энциклопедии Москвы, он же был инициатором создания словаря московских краеведов.

Речь идет о том, чтобы собрать вместе биографии классиков петербурговедения и современных авторов. При создании Словаря петербурговедов, по-моему, не должно быть никаких хронологических ограничений: надо начать с самого начала – с Андрея Ивановича Богданова, от которого считают петербурговедение, и отразить современное состояние изучения нашего города.

Петербург всегда лидировал в градоведении, его лидирующая роль сохраняется и в наши дни, что признают московские коллеги. Будучи сопредседателем жюри Анциферовской премии, я имею удовольствие каждые два года читать многочисленные работы о Петербурге. Уровень представляемых на конкурс работ очень высок, пора заняться рефлексией по поводу этого выдающегося явления в нашей культуре.

Тематика сегодняшней конференции – это тематика будущего словаря. Большинство докладов посвящено петербурговедам, их наследию, которое хранится в разных местах. Нам хотелось бы, чтобы словарь представлял собой фундаментальный библиографический справочник. Речь идет о выявлении и надлежащей публикации настолько это возможно всех работ, посвященных Петербургу. Библиография даже таких классиков, как Н. П. Анциферов, не полна, в конце списков их работ стоит «и т.д., и др.», которые не оvesществляются. Например, публикации Н. П. Анциферова двадцатых годов рассеяны по множеству малотиражных, в т.ч. ведомственных, периодических изданий, которые не до конца выявлены и учтены. Что же говорить о менее известных фигурах? Именно выявление публикаций – важная часть усилий по созданию будущего словаря, поэтому вклад библиографов в его создание будет решающим.

Очень многие обстоятельства жизни и творчества петербурговедов остаются выясненными приблизительно. Так, московский период жизни Н. П. Анциферова до сих пор никем

и никак не описан. Есть только основные вехи, а детали не известны. Петербурговеды занимались петербургским периодом его жизни, москвичи считают его петербургомедом и особенно не интересовались его жизнью и деятельностью в Москве. Биографические лакуны хотелось бы закрыть.

Желательно, чтобы Словарь был иллюстрированным. Речь идет не только о портретах героев словаря, но и о среде, окружении, обстановке и т.д. Будем благодарны обладателям частных собраний фотографий, будем обращаться в государственные собрания в поисках материалов. Наконец, итогом этой работы может стать и какой-то обобщающий труд, который позволит с высоты птичьего полета посмотреть на это явление – петербурговедение, на основные тенденции, которые проявились за десятилетия изучения города, попытаться интерпретировать спады и подъемы.

В начале 1990-х годов вышла статья Л. Я. Лурье и А. В. Кобака об исчерпанности петербургской идеи. Это была «настроенческая» статья, в стране начиналась революция, политические проблемы и интересы вышли на передний план, перестала появляться краеведческая литература. У Лурье и Кобака возникло ощущение, что краеведение как явление нашей жизни отмирает или исчезает вовсе. С середины 90-х годов стало ясно, что петербурговедение не умирает: с полок, из столов были вытащены на свет старые рукописи, которые не могли быть напечатаны при советской власти. Были изданы работы классиков краеведения двадцатых годов, того же Н. П. Анциферова. Появилось новое поколение петербургомедов: достаточно назвать имена Д. Ю. Шериха, С. Е. Глезерова. Наше дело живет и побеждает, нет оснований для пессимизма, но пришло время для подведения итогов, определения крупных задач, высказывания прогнозов, которые будут не беспочвенны.

Труд по созданию словаря не может быть делом одного исследователя или даже группы. Когда-то два гиганта петербургомедия А. В. Кобак и В. В. Антонов вдвоем сумели сделать титанический труд – создали историко-церковную энциклопедию «Святые Петербурга». Биографический словарь петербургомедов – неподъемная работа даже для таких гигантов. Это – большая коллективная работа, в которой много сюжетов, разнообразных судеб. В этом словаре должна быть воплощена знаменитая формула «никто не забудь». Биографический словарь

петербурговедов – правильный дебют Союза краеведов, интеграционный проект, который позволит сплотить ряды Союза краеведов Санкт-Петербурга, причем особенно сложная задача стоит перед нашими библиотеками.

Стоит добавить, что Союз краеведов открыт для вступления всех, кто хочет содействовать изучению города и популяризации знаний о нем. Речь идет не только об историческом краеведении, но об универсальном краеведении в широком смысле слова.

Обратимся теперь к наследию Н. П. Анциферова. В отделе рукописей РНБ хранится основной фонд Н. П. Анциферова. Его многие годы изучала Ольга Борисовна Враская, ученица и друг Н. П. Анциферова, затем ее дочь Мария Борисовна Вербловская, по инициативе которой состоялось издание его трудов в 90-е годы. Необходимо вспомнить Александра Иосифовича Добкина, который подготовил к изданию записки Анциферова, названные издателем «Из дум о былом». Казалось бы, наследие Анциферова очень хорошо и всесторонне изучено и описано нашими современниками, но так было далеко не всегда. Многие десятилетия его имя было под запретом, работы были изъяты из открытых фондов, спрятаны в спецхране.

В 90-е годы были переизданы его книги, среди них – «Душа Петербурга» (лучшее издание 1992 г., Лениздатовское), фундаментальный вклад сделан Александром Иосифовичем Добкиным. Им подготовлено издание записок Н. П. Анциферова «Из дум о былом», причем книгой в книге являются комментарии А. И. Добкина о золотом десятилетии отечественного краеведения. (В дальнейшем темой самостоятельной работы может стать изучение деятельности А. И. Добкина в этом направлении). Однако тема Анциферова не исчерпана. Кажущаяся завершенность исследования темы очень опасна, это соблазн, который нужно преодолеть. Фонд № 27 в отделе рукописей РНБ до конца еще не описан. Значительная часть коллекций пока не доступна исследователям – наша неизбывная болезнь. По разным причинам (в основном конъюнктурным) А. И. Добкин, готовя издание воспоминаний, был вынужден делать в публикации многочисленные купюры. Изданная им книга – это две трети воспоминаний Н. П. Анциферова. Еще треть в издание не попала. А. И. Добкин поступил в высшей степени корректно как исследователь и публикатор (делая купюры, он это оговаривал и сжато описывал содержание тех мест, которые не попали в публикацию). Пробле-

ма научной публикации записок Анциферова остается: надо завершить публикацию мемуаров Анциферова, представив их для всеобщего внимания и изучения.

Н. П. Анциферов – фигура в высшей степени символичная. Начать с того, что он не петербуржец, родился и вырос в Крыму, приехал в Петербург только в 1908 г. поступать в университет уже сложившемся человеком. Я специально занимался этой проблемой – мифом о коренном петербуржце, ленинградце. Пришел к заключению, что абсолютное большинство великих петербуржцев родились не в Петербурге (Пушкин, Достоевский), фигура Блока – скорее исключение. В этом смысле пример Анциферова типичен для судьбы великого петербуржца: приезжает в 1908 г. и живет здесь до 1929 г., когда его ссылают на Соловки. В годы ежовщины вновь арестован в Москве и каким-то чудом уцелел, но в Ленинград больше не вернулся.

Вторая половина его жизни связана с Москвой, годы очень интенсивной работы, где он служил в Литературном музее, занимался Пражской Герценовской коллекцией, писал и о Петербурге. На первое место в московский период жизни и творчества надо поставить его работу над записками. Он пытался сделать жизнь свою, глядя на А. И. Герцена. Писал о своей жизни до 30-х годов, с середины 30-х и до конца 50-х он никаких воспоминаний не оставил. Источником для реконструкции его биографии второй половины жизни записки быть не могут. Он оказался в Москве в новом окружении. Я пытался завязать диалог с московскими сослуживцами Анциферова, которые помнят, ценят его, ухаживают за его могилой на Ваганьковском кладбище, но никто там не заинтересовался возможностью заняться исследованием московского периода его жизни.

К счастью, в Москве живет внук Н. П. Анциферова – Михаил Сергеевич Анциферов – хранитель большого личного собрания – писем деда, значительной части его рукописей, мемуаров. Он находится в центре родственно-дружеского кружка, который может быть дополнительным источником информации. В США, в Вашингтоне живет дочь Николая Павловича – Татьяна Николаевна Комендровская, которая в юности была угнана фашистами из Детского Села, освобождена из лагеря американцами, вышла замуж за американского офицера. В конце жизни отец и дочь сумели вступить в контакт, долгие годы Николай Павлович

считал, что она погибла. Она также собирает семейные материалы и ее собрание также может быть ценным источником.

Таким образом, источниковая база для изучения жизни и деятельности Н. П. Анциферова как бы распадается на две части: первая – детство, юность, начало краеведческой работы, воспоминания о заключении в Крестах, ДПЗ, на Соловках, в Медвежьегорске – почти полностью решают проблему изучения биографии. Я в этом убедился, готовя статью «Петербургские адреса Н. П. Анциферова» по заказу «Невского Архива». Все реконструируется на основе записок. Он не готовил свои воспоминания для публикации, писал для узкого круга, читал детям, пока была такая возможность. Возвращался по несколько раз к одним и тем же эпизодам, добавлял отдельные детали. Если описывал какой-то адрес условно, то называл имя домовладельца, и достаточно раскрыть «Весь Петербург», «Весь Петроград», и этот адрес находишь. Также легко дешифруются названия учебных заведений, в которых он преподавал после окончания университета. Его рассказ о жизни кружка «Воскресенье» уточняется при наложении на опубликованные воспоминания. Вся эта райская жизнь исследователя заканчивается там, где заканчиваются воспоминания Анциферова. Дальше мы оказываемся в почти безвоздушном пространстве. Вполне загадочна история с его вторым арестом. Он попал в уссурийский лагерь, дальше его дорога лежала в Ногайскую бухту. Но при переходе рычагов управления от одного палача к другому, от Ежова к Берии, он попал в счастливую выборку «возвращенцев». Ему покровительствовал В. Д. Бонч-Бруевич – благодаря этому, будучи «лишенцем» он попал на работу в Литературный музей, а в 1944 г. сумел защитить диссертацию. Не сохранилось их переписки или она лежит где-то.

В этой обстановке возрастает значение устной истории. Методом опроса людей, близко знавших Николая Павловича, кое-что реконструировать удастся. Сегодня ни я, ни кто-либо другой не готов написать вторую часть биографии Н. П. Анциферова. Есть только пунктир из основных событий и список работ, не поручусь, что исчерпывающий. Такова картина изучения одного из самых известных петербурговедов.

Что же говорить о фигурах менее известных и популярных. Предстоит серьезная исследовательская работа, но надеюсь, что мы ее не убоимся и справимся.

*Л. С. Георгиевская,
директор ЦГАЛИ СПб
В. П. Ярошецкая,
вед. науч. сотрудник ЦГАЛИ СПб)*

Историк города С. М. Вяземский

Нас по праву можно назвать счастливыми людьми, т.к. мы были современниками такого замечательного человека как Сергей Михайлович Вяземский (1895 – 1983). Он не был петербуржцем по рождению, но не каждому петербуржцу (ленинградцу) за всю его жизнь удастся сделать так много для своего города. Вся его деятельность по собиранию своей коллекции по истории нашего города – этот великий труд не одного десятилетия – можно назвать подвигом. Он коллекционировал не просто документы, а коллективную память о прошлом для того, чтобы обогатить этой памятью настоящие и будущие поколения. Сергей Михайлович собрал более миллиона вырезок из газет, журналов, а также подлинных документов: фото, писем и других изданий (советских и дореволюционных), посвященных нашему городу.

Формирование коллекции началось в 1931 году, когда молодой Сергей Вяземский приехал в Ленинград. Красота Ленинграда, а также увлечение эстрадным театром «Мюзик-холл», в котором зав. музыкальной частью и дирижером был композитор И. Дунаевский, сделали свое дело, а увлечение творчеством актера театра Александра Бениаминова подвигло его собирать вырезки из газет, журналов; затем последовали патефонные пластинки с записями, открытки, марки, конверты, книги. И это стало главным интересом его жизни. Впоследствии коллекционирование приняло более или менее упорядоченный характер. Он начал приобретать путеводители, различные справочники, книги по истории Санкт-Петербурга и постепенно составил богатейшую библиотеку. Когда в сентябре 1960 года у него в гостях побывал старейший букинист-антиквар Петр Николаевич Мартынов, то в Книге посетителей, которую вел Сергей Михайлович, П. Н. Мартынов записал: «За свою длительную книжную практику на антикварном книжном фронте я такое собрание материа-

лов с таким большим усердием и любовью собранное, видел впервые»¹.

В библиотеке Сергея Михайловича Вяземского он увидел редкий экземпляр «Панорамы Санкт-Петербурга» А. Батуцкого с гравюрой «Маляры», изданный в 1834 году; «Описание Санкт-Петербурга» И. Г. Георги в 3-х частях, вышедшие в 1794 году; книги Н. П. Анциферова, В. Я. Курбатова, Г. К. Лукомского, М. И. Пыляева, П. Н. Столпянского, А. Г. Яцевича.

В квартиру Сергея Михайловича Вяземского на 2-й Советской улице, дом № 6 каждый день почтальон приносил по 2 экземпляра всех издававшихся в Ленинграде газет. Просматривая их, Сергей Михайлович делал вырезки, а затем раскладывал их по темам: улицы, учреждения, общественные организации, транспорт, государственные и религиозные праздники, профессии, персоналия.

Большое внимание уделял собиратель посещению различных мест города, каждая встреча с ним стала для него праздником. «Удивительно интересно, – говорил он, – ходить по старым еще времен Петра Великого улицам и проездам, сравнивать их с нынешними, узнавать что-то новое, записывать, делать для себя совершенно неожиданные выводы, готовить материалы, так нужные для многих любителей и знатоков города»².

Любовь к собирательской работе привил ему в отроческие годы двоюродный дед Терентий Иванович Вяземский (1857 – 1914) – видный врач-невропатолог, приват-доцент Московского университета. Как и Сергей Михайлович, дед происходил из разночинной семьи (отец был священником), среднее образование получил в Рязанской духовной семинарии, но стать священнослужителем не захотел. С большим трудом он добился зачисления в Московский университет. После успешного окончания университета в 1886 г. стал работать в области нелекарственных методов профилактики и лечения болезней (физиотерапии, электротерапии и бальнеотерапии). Еще студентом начал собирать книги, вскоре он становится одним из видных в России библиофилов. В начале нашего столетия он на свои небольшие средства (в основном приданое жены) покупает участок земли в Крыму и создает научную биологическую станцию в Кара-Даге. Незадолго до смерти передает биостанцию и свою замечательную библиотеку (насчитывавшую свыше 40 тысяч книг)

Обществу содействия успехам опытных наук при Московском университете. Его имя было присвоено биологической станции, которая существует и поныне в качестве филиала Севастопольского института биологии южных морей АН Украины³.

Немалую роль в деятельности Сергея Михайловича сыграло его общение с известными историками города В. Я. Курбатовым (работал с ним в Текстильном институте), Н. П. Анциферовым, П. Н. Столпянским, А. Г. Яцевичем, архитекторами-исследователями А. Н. Петровым, В. И. Пилявским⁴.

Еще одним толчком для собирательской деятельности послужило следующее. Как-то перечитывая роман «Обломов» И. А. Гончарова, он обратил внимание на строки: «В Гороховой улице, в одном из больших домов, народонаселение которого стало бы на целый город, лежал утром в постели, на своей квартире Илья Ильич Обломов». Сергей Михайлович решил узнать, что это за дом, и кто из жильцов послужил прототипом Обломова. Ответа на эти вопросы он не нашел, но увлечение поиском осталось на всю жизнь.

Мои первые шаги на архивной ниве были связаны с Сергеем Михайловичем Вяземским. Мне посчастливилось работать в архиве вместе с ним и помогать ему в научной обработке его материалов. Каждое утро у нас начиналось с объяснения в любви. Сергей Михайлович читал мне стихи о любви различных авторов, это была как бы зарядка перед трудовым днем. Мы сидели с ним рядом. На мой вопрос, какая улица в нашем городе ему нравится больше всего, Сергей Михайлович ответил: «Гороховая, сам не знаю почему, и жил-то я от нее далеко». Видимо, первый осознанный поиск нужной ему информации остался в его сердце как первая любовь...

Сергей Михайлович Вяземский прошел сложный и долгий жизненный путь. Родился 6 (18) июня 1895 г. в небольшом селе Барятино, расположенном в 20-ти км от старинного уездного города Данкова Рязанской губернии (ныне Липецкая обл.). Детские и отроческие годы его прошли в просторном доме отца Михаила Степановича – священника местной церкви. По отзывам знакомых Вяземских, его отец и мать были просвещенными, хлебосольными и гостеприимными селянами. Их дом являлся своеобразным центром культурной жизни села, в которой участвовали учителя местной школы, священнослужители и грамот-

ные крестьяне. В нем содержалась значительная библиотека, состоявшая из произведений русских и зарубежных писателей, книг религиозного содержания, многих журналов и местных газет. Нередко здесь устраивались литературные вечера. «Моя фамилия, – говорил мне Сергей Михайлович, – не имеет отношения к княжескому роду, не связана с поэтом Петром Вяземским. Я происхожу из духовного звания, мой отец был сельским дьячком, потом добился звания дьякона, был священником, в советское время снял с себя сан и умер советским служащим... Предки по матери так же из духовного звания».

Сергей рос в многодетной семье, где имелось 10 детей, их них четверо умерли еще в детском возрасте. Родители хотели, чтобы Сергей получил церковное образование. Он поступил в Данковское духовное училище, а затем в Рязанскую духовную семинарию, которую успешно закончил в 1917 г. Однако, последующие два года он работал учителем в сельских школах.

В 1920 г. Сергей Михайлович был призван в Красную Армию. После демобилизации в 1921 г. уехал в Ташкент, где стал преподавать математику в начальной школе, параллельно поступил в Ташкентский Университет на экономическое отделение, которое окончил в 1925 г. В университете он встретил свою любовь – Зою Дмитриевну Богданову, которая училась на филологическом факультете.

В 1931 г. Сергей Михайлович вместе с женой и двумя дочерьми переезжает в Ленинград, и вся его дальнейшая жизнь связана с городом на Неве. Здесь он работает преподавателем в Педагогическом институте, в Юридическом заочном институте, в Текстильном институте.

Во время Великой Отечественной войны Сергей Михайлович защищал наш город, но и во время блокады продолжал формировать свою коллекцию.

Наиболее активно коллекция Вяземского формируется в послевоенные годы. Многие исследователи и собиратели того времени сосредотачивают свое внимание на выявлении фактических данных по истории города, началось собирание материалов по истории отдельных микрорайонов, улиц, домов, учреждений и персоналий.

Постоянно пополняемые папки с материалами коллекции уже не помещались в его квартире, а встреча с нашим первым

директором А. М. Блиновым была судьбоносной, и в 1971 г. Сергей Михайлович Вяземский обратился с просьбой принять его собрание в Ленинградский государственный архив литературы и искусства (ныне СПб ГУ «ЦГАЛИ СПб»). Коллекции Сергея Михайловича Вяземского присвоен номер – № 118.

Поскольку принятая коллекция не имела описи, необходимо было привести оформление материалов собрания в соответствии с архивными правилами. По просьбе Сергея Михайловича ему разрешили самому на общественных началах проводить эту работу в помещении архива. Научно-техническую обработку материалов под руководством Сергея Михайловича проводили сотрудники архива.

76-летний Сергей Михайлович Вяземский определил, что режим его рабочего дня будет такой же, как у штатных сотрудников архива. На протяжении нескольких лет Сергей Михайлович приходил в архив к половине девятого утра и уходил в пять часов вечера.

Все материалы систематизировались и были переплетены в тома. К коллекции была составлена опись, включающая 3 421 дело. Каждое дело имеет внутреннюю опись. Архивная опись фонда № 118 и внутренние описи дел построены по алфавитному принципу.

Комплекс документов, относящихся к улице, систематизируется по номерам домов. К истории дома отнесены сведения о постройке, владельцах, жильцах, учреждениях и организациях, которые здесь размещались в различные годы.

История города прослеживается в судьбах его жителей. Документы по персоналии включают сведения не только об известных, но и тех жителях города, имена которых не вошли ни в один справочник, хотя сегодня сведения о них представляют интерес.

Интересны материалы, связанные с блокадой Ленинграда: хлебные карточки, различные удостоверения горожан, записи и дневники блокадников, газетные и журнальные статьи, листовки, фотографии. Свои дневниковые записи тех суровых лет Вяземский вынужден был уничтожить во время злополучного «Ленинградского дела» из-за страха за судьбу своей семьи.

Важный раздел собрания – история фабрик и заводов, немало материалов о представителях династии Романовых, о дворянских и купеческих родах, о дореволюционном быте северной

столицы, о «закрытых» на тот момент темах, таких как история петербургских церквей, кладбищ и др.

Коллекция содержит огромное количество автографов, среди них автографы – Натана Альтмана, Николая Акимова, Всеволода Азарова, Иннокентия Анненского, Анны Ахматовой, Ираклия Андроникова и других.

Сергей Михайлович сам был свидетелем многих исторических событий и постоянно вел записи в блокноте о них, а также отражал свои впечатления о просмотренных спектаклях и кинофильмах, о посещении выставок, встречах с интересными людьми.

Коллекция стала своеобразной летописью по истории и духовной жизни нашего города со времени его основания. Полнее всего материалы собраны за советский период, беднее – за дореволюционный. Но, тем не менее, к документам фонда Вяземского обращаются очень часто и даже в случаях, когда кажется, что материал по теме найти невозможно. У Вяземского всегда что-то находится. Недаром заголовки статей о его собрании назывались «Весь город в одной коллекции», «Столетия в папках».

Сведения о том или ином доме, лице, понятии представлены объединенными в единый комплекс различными видами документов, а именно: вырезки из газет, выписки из книг и журналов, из архивных дел с указанием на печатный или архивный источник, фотографии, открытки, карты, чертежи, театральные программы и афиши, печатные объявления, буклеты, записи бесед с жителями города и др.

Сергей Михайлович как коллекционер понимал всю значимость своего труда. Поэтому он был не только собирателем, главным хранителем своего детища, но и пропагандистом по активному использованию своих материалов. Он понимал, что коллекция должна служить людям. Работая в архиве, Сергей Михайлович продолжал пополнять свое собрание до самой кончины, последовавшей в 1983 г.

Сергей Михайлович писал краеведческие статьи, выступал с лекциями для экскурсоводов в Городском бюро лекций и экскурсий. Когда кинорежиссер Ф. М. Эрмлер в 1963 г. снимал фильм «Перед судом истории», одним из консультантов фильма стал Сергей Михайлович Вяземский. С его же участием был создан и замечательный фильм «Река».

На протяжении многих лет Сергей Михайлович Вяземский являлся членом секции коллекционеров и библиофилов Ленинградского клуба любителей книги; в начале 1960-х он возглавил общественный совет содействия при Музее истории Ленинграда. В 1962 г. при Ленгорисполкоме на общественных началах была образована комиссия по наименованию и переименованию улиц Ленинграда. Сергей Михайлович стал одним из ее добровольных помощников.

С помощью Сергея Михайловича Вяземского на Ленинградском радио прозвучал цикл передач по истории улиц и площадей города, были изданы многие книги и путеводители, были разгаданы загадки, где проживала семья Чайковских, уточнены адреса чеховского Петербурга и т.д. Трудно себе представить, как много успел сделать этот человек.

Жизнь и подвижническая деятельность Сергея Михайловича Вяземского – пример для подражания. Его деятельность еще не достаточно оценена по достоинству. Но самый лучший памятник Сергей Михайлович создал себе сам – это его уникальная коллекция, которая не лежит мертвым грузом на полках архива, а активно ежедневно используется.

Говорить о Сергее Михайловиче можно долго, но есть еще одно обстоятельство, которое хочется упомянуть – это его замечательные внуки – народный артист России Евгения Симонова и всем известный ведущий телепередачи «Умники и умницы» Юрий Вяземский. В последнее время мы слышим уже и о правнучке Сергея Михайловича – Зое Кайдановской. Жаль, что никто из них не продолжил дело Сергея Михайловича – его собирательскую и подвижническую деятельность.

¹ ЦГАЛИ СПб, Ф. 118, Оп. 1, Д. 619, Л. 40.

² ЦГАЛИ СПб, Ф. 118, Оп. 1, Д.617, Л. 28.

³ ЦГАЛИ СПб, Ф. 118, Оп. 1, Д.632, Л. 11-15.

⁴ Там же.

*Д. Я. Северюхин,
кандидат искусствоведения, член Союза художников*

Художественный салон А. Е. Бурцева

Имя Александра Евгеньевича Бурцева (1863 – 1938) в начале XX века было очень хорошо известно библиофилам. Собиратель редких изданий и рукописей, издатель книг, малотиражных журналов, альманахов и сборников по библиофильству, фольклору и этнографии, коллекционер предметов русской старины и преуспевающий финансист, он принадлежал к последнему поколению петербургских меценатов Серебряного века.

В советское же время дела и личность потомственного почетного гражданина А. Е. Бурцева были преданы забвению. Отрывочные, неточные, а иногда и предвзято искаженные сведения о нем можно было почерпнуть в немногих опубликованных источниках, посвященных книжному собирательству: в мемуарах актера и коллекционера Н. П. Смирнова-Сокольского¹, букинистов Ф. Г. Шилова и Н. П. Мартынова², наконец, в неоднократно публиковавшемся очерке литературоведа И. Л. Андроникова «Личная собственность», где Бурцев представлен всего лишь как малосведущий в книжном деле коммерсант³. Отдельные биографические сведения о Бурцеве можно почерпнуть в некоторых труднодоступных дореволюционных изданиях⁴. Впервые обстоятельно и честно написанная биография Бурцева была опубликована петербургским философом и библиофилом В. А. Петрицким⁵. Воздавая должное Бурцеву как создателю крупнейшего в истории отечественного библиофильства собрания рукописей и автографов, Петрицкий убедительно разбивает миф о его дилетантстве и корыстолюбии и сообщает немало любопытных сведений о его жизни. Наконец, в 2003 г., в связи со 140-летием со дня рождения Бурцева, в печати появился содержательный материал А. С. Маркова, в котором использованы рукописная автобиография Бурцева, написанная в 1930 г., и бесценные свидетельства дочери Бурцева Ольги об обстоятельствах гибели отца⁶.

Опираясь на названные публикации и пытаясь обойти имеющиеся в них противоречия, очертим вкратце жизненный

путь Бурцева. Он родился в 1863 г. в одной из деревень Вологодской губернии в зажиточной крестьянской семье. В 1882 г. переехал в Санкт-Петербург, где жил в доме своего дяди, работал приказчиком в меняльной лавке. Позже перешел в меняльную контору своего старшего брата Павла и вплоть до 1917 г. был ее заведующим, сумев значительно расширить дело и нажить большое состояние. Будучи еще молодым человеком, Бурцев увлекся книгами, стал выискивать и покупать редкие издания. В 1892 – 1893 гг. он путешествовал по русскому Северу, изучая фольклор, записывая песни, сказки, легенды, скороговорки и гадания, покупая у крестьян старинные предметы быта. В конце 1890-х гг. он расширил свою собирательскую деятельность, стал приобретать картины старых и современных художников, посвященные народному быту, разнообразные предметы русской старины, редкую церковную утварь, рукописи. По словам Ф. Г. Шилова, «Бурцев поставил себе за правило ежедневно заходить к кому-нибудь из букинистов и, таким образом, в неделю раз он был у своих поставщиков. Его все знали и откладывали “Бурцевиану”»⁷.

В 1896 г. Бурцев начал издательскую деятельность, масштабы которой можно оценить, обратившись сегодня к каталогу Российской Национальной библиотеки, где значится около двухсот его изданий – описаний редких книг, брошюр, рукописей, документов, собраний гравюр и акварелей, библиографических и этнографических материалов. В 1897 г. он издал пятитомное «Описание редких российских книг и рукописей», в 1899 г. – шеститомное «Дополнительное описание библиографическо-редких, художественно-замечательных книг и драгоценных рукописей», в 1901 г. – семитомное «Обстоятельное библиографическое описание редких книг и художественных изданий». В 1908 г. было выпущено десятитомное «Полное собрание библиографических и палеографических материалов, изданных в разное время А. Е. Бурцевым», включавшее 5000 описаний всевозможных книжных раритетов и 2500 иллюстраций, в 1910 – 1911 – полное собрание этнографических трудов А. Е. Бурцева в одиннадцати томах. Выпускал Бурцев и периодические издания – малотиражные (тиражом в 100 или 125 экземпляров) альманахи, журналы и сборники, не предназначенные для продажи: «Собиратель: художественно-библиографический журнал», «Мой досуг: художественно-этнографический сборник», «Мой журнал: для

любителей искусства и старины», «Для немногих: художественный сборник, издаваемый А. Е. Бурцевым» и др.

Деятельность Бурцева на поприще художественного собирательства и галерейного дела до последнего времени оставалась в тени его масштабной библиофильской и издательской работы и не получала должного освещения. Начав в 1890-е гг. с собирания старых акварелей, рисунков и гравюр, посвященных преимущественно русскому народному быту, А. Е. Бурцев всё больше интересовался современным искусством, выступая в роли коллекционера и мецената. В числе опекаемых им художников были С. Ю. Судейкин, Н. П. Сапунов, Н. К. Рерих, К. С. Петров-Водкин, другие мастера молодого поколения. Несколько заказов для него выполнил К. А. Сомов («Бурцев совершенно невежественный человек. Серый, ничего не понимает, – писал ко всему критически настроенный художник в своем дневнике в 1914, – но очень скромный и деликатный и любит искусство и собирает его не из снобизма <...>»⁸

Значительную роль меценат сыграл в судьбе Б. Д. Григорьева. Исследователь творчества этого художника Р. Н. Антипова пишет: «А. Бурцев, обладатель огромной коллекции древнерусского и народного искусства, готовый в любое время прийти на помощь художнику, имел несомненное значение в творческой жизни Б. Григорьева. Познаваемый им во время путешествий по Волге, Шексне, Свири и Балтике, грубый и суровый быт, фольклор, завораживающий мудрой простотой и подчас сольным юмором, приближали к народным корням»⁹. С 1910 Бурцев регулярно привлекал Григорьева, учившегося тогда в Академии художеств, к оформлению фольклорных и этнографических сборников. Художник иллюстрировал народные присловья, пословицы, поговорки, сказки, песни, народный календарь. Неоднократно ему отводились целые разделы под заголовком «Художник Б. Д. Григорьев и его художественное творчество: из собрания А. Е. Бурцева»¹⁰. Характеризуя графику Григорьева тех лет, Антипова отмечает: «Художник интуитивно нащупывает своеобразие крестьянского мироощущения, выраженное в особенностях народного творчества, и заостряет его в рисунках “бурцевского” периода (1910 – 1912). Так рождается григорьевский гротеск»¹¹. Подготовленные для этих изданий незамысловатые сюжеты из народной жизни позже получили развитие в

знаменитом живописно-графическом цикле «Расея» (начат в 1917 г.), который вывел Григорьева в первый ряд когорты нового отечественного искусства.

О щедрости и широком размахе Бурцева при покупках художественных произведений ходили легенды. В своих мемуарах Ф. Г. Шилов писал: «Художник С. Ю. Судейкин рассказывал, что Бурцев, покупая картины, выполнял, однако, тем самым и культурную роль, давая художникам возможность не продавать их основные картины на рынок, то есть в магазины, а только на выставки. Покупал Бурцев по-купчески: когда Судейкин вздумал поехать за границу, он обратился к Бурцеву с предложением продать ему все этюды и картины, которые накопились в мастерской, и Бурцев, не глядя, уплатил ему 2 тысячи рублей. На эти деньги художник уехал за границу. <...> Кое-кто из художников, узнав его пристрастие к русским сюжетам, стал злоупотреблять этой слабостью, то есть писать на русские сюжеты как будто специально для него, а по существу используя старые иллюстрации»¹². По словам П. Н. Мартынова, «Ему нередко предлагали свои работы бедные начинающие художники, и чтобы они не падали духом, он покупал их произведения»¹³.

Многие малотиражные издания Бурцева были посвящены современному искусству: «Альбом женских головок» (1909, 1910), «Альбом из жизни русского раскола и старообрядчества» (1912), «Женщина в картинах русских художников и в снимках с натуры» (1912 – 1914), «Жизнь русского народа, его нравы и обычаи в картинах русских художников и в снимках с натуры» (1914), «Коллекция картин и рисунков старой и новой русской школы» (1912 – 1914) и др. Ряд изданий – непритязательных альбомов, снабженных черно-белыми репродукциями с минимумом комментариев, – Бурцев посвятил персонально современным художникам – Л. П. Альбрехту, М. А. Балунину, И. А. Бодянскому, А. И. Вахрамееву, С. А. Власову, Н. К. Горенбургу, И. С. Горюшкину-Сорокопудову, П. С. Добрынину, А. Е. Земцову, Ф. А. Злотникову, Г. К. Кравченко-Гуку, Ф. А. Лысенко, В. М. Максиму, М. В. Рундальцову, Н. Н. Сапунову, В. И. Ткаченко, А. Н. Третьякову, Т. П. Чернышеву, Ф. В. Шаврину, В. С. Щербакову и др.

В 1912 г. по заказу А. Е. Бурцева был построен богатый пятиэтажный дом с общественными помещениями на Бассейной

улице, 10/12 (ныне ул. Некрасова, 10). Автором проекта был Иван Петрович Володихин (1872 – после 1927) – архитектор, известный своими постройками в стиле модерн, историк архитектуры, учредитель Общественного собрания художников и архитекторов (1907). Фигурные проемы больших окон, выразительное центральное завершение мансардного этажа, богато декорированный строго симметричный фасад, облицованный серым гранитом и украшенный мощными торсами атлантов, сделали это здание одним из самых выразительных памятников петербургского модерна. Часть внутренних помещений была задумана заказчиком как залы для размещения коллекций и устройства временных экспозиций старого и современного искусства. В дальнейшем здесь предполагалось организовать Музей русского искусства и литературы. В то время специализированные выставочные залы в Санкт-Петербурге были редкостью, и даже самые популярные и весьма крупные художественные выставки зачастую устраивались в малопригодных для этого помещениях. Здесь же пространство второго этажа изначально предназначалось для проведения выставок и выгодно отличалось от полутемных залов старинных петербургских особняков простором и хорошо продуманным освещением. Современник писал об этом «дворце искусства»: «Огромные залы с колоннами и колоссальными окнами, с широкими лестницами, с золочеными решетками, с обильным электрическим светом – затея богатого человека, проникнутого благородным порывом быть полезным русскому искусству по мере своих сил»¹⁴.

2 февраля 1914 г. в доме Бурцева открылась выставка «Внепартийного общества художников», учрежденного двумя годами ранее молодыми живописцами и графиками, принадлежавшими к различным творческим направлениям. 8 февраля – 15 марта здесь же прошла четвертая выставка другого молодежного объединения – «Товарищества независимых». Наряду с работами членов Товарищества (в их числе были художники, в скором времени получившие известность – М. П. Бобышов, А. И. Вахрамеев, Г. К. Савицкий, Я. А. Чахров и др.), на выставке экспонировались вышивки мастерской в селе Березки Тверской губернии, основанной покойной художницей Е. И. Беклемишевой. В составе выставки была развернута посмертная экспозиция талантливого художника Н. В. Пирогова.

Выставки двух молодежных объединений получили весьма сдержанную оценку столичной критики, избалованной настоящим бумом художественных вернисажей, который наблюдался в предвоенные годы. Однако в центре внимания критических заметок неизменно оставалось само мероприятие, основанное Бурцевым. Бюллетень «Обозрение театров» писал: «На выставке более всего радуется выставочный зал. Исполать Бурцеву за то, что он обогатил Петербург таким полезным необходимым учреждением. Говорят об очень выгодных условиях, на которые Бурцев сдает этот зал. Небывало выгодны они уже тем, что он берет известный процент с каждого продаваемого билета. Таким образом, художники-устроители не рискуют ничем. Бурцев берет на себя значительную часть риска. И в этом виде меценатство его еще полезнее и приятнее, чем в виде покупки картин у отдельных художников. Тут он помогает целому сообществу молодых художников. Зал вышел светлый, уютный, интересный и центрально помещенный»¹⁵. Газета «Биржевые ведомости» подтверждала вышесказанное: «Условия, на которых залы сдаются художественным обществам и кружкам, крайне льготны. А. Е. Бурцев не обязывает художников ни к каким предварительным затратам и не облагает их никакими дальнейшими платежами»¹⁶.

Не обошлось и без критических замечаний по поводу новых залов. Критик А. А. Ростиславов, близкий к кругу «Мира искусства», писал: «Новое помещение на Бассейной едва ли специально приспособлено для выставок, несмотря на верхний свет в большом зале. В зале, выходящем на улицу, свет неровный и весьма неудовлетворительный. И архитектурная отделка излишне по театральному «роскошная», едва ли отвечает назначению. Но при отсутствии выставочных помещений, при тех огромных льготах, которые А. Е. Бурцев делает художникам, его меценатское предприятие заслуживает всяческих симпатий»¹⁷. Позже корреспондент «Петроградской газеты» отмечал: «Помещение довольно большое, хотя несколько разбросанное и, кажется, не особенно светлое. Впрочем, так выглядят все выставочные залы в Петербурге»¹⁸.

В октябре 1914 г. в разгар начавшейся войны Бурцев открыл в своем особняке «1-ю выставку картин и рисунков из русского народного быта», представлявшую более 1000 произведений

отечественной реалистической школы второй половины XIX – начала XX века из его собрания. В соответствии с духом времени выставка носила благотворительный характер. В свидетельстве, выданном устройителю из канцелярии Петроградского градоначальства, говорилось: «Дано сие статскому советнику Александру Евгеньевичу Бурцеву в том, что ему разрешается устроить с 12 октября сего года по 13 января 1915 в доме № 10/12 по Бассейной улице с отчислением 50% со входной платы в пользу приюта на воспитание детей убитых и раненых воинов Ведомства императрицы Марии, выставку картин <..>»¹⁹. К этому времени число выставочных залов в доме было увеличено, а помещения первого этажа были перестроены под кинематограф с залом на 250 мест.

В ноябре 1914 в салоне Бурцева открылась 3-я выставка «Внепартийного общества художников», в которой на этот раз участвовало 95 художников, причем из 368 выставленных номеров 122 принадлежало группе из 28 молодых финских художников. С 26 декабря 1914 по 25 января 1915 в доме на Бассейной прошла девятая, предпоследняя выставка возглавляемого Д. Н. Кардовским «Нового общества художников». Выставка не имела большого успеха у публики – ее посетило немногим более 1000 человек, а объем продаж составил лишь около 3000 рублей. Тем не менее, картина О. Л. Делла-Вос-Кардовской была приобретена с нее для Музея Академии художеств, три листа С. В. Ноаковского – для гравюрного кабинета Румянцевского музея в Москве, а картина Л. М. Браиловского – для собрания Общества им. А. И. Куинджи²⁰.

15 февраля 1915 г. в салоне А. Е. Бурцева состоялось открытие 12-й годичной выставки Товарищества художников. Журналист Н. Н. Брешко-Брешковский, симпатизировавший этому объединению салонных академистов и посвятивший выставке две пространные статьи, отмечал в связи с ее устройством заслуги Бурцева: «Анфилада зал Бурцевского особняка на Бассейной является для художников чем-то чрезвычайно желательным, необходимым и даже спасительным. Да так и говорят члены «Товарищества»: Без выставочных зал Бурцева мы окончательно сели бы на мель!... И кроме того – значительная материальная выгода. Частные помещения требуют вперед прямо-таки анафемскую плату. Здесь же владелец дома удовлетворяется

постепенными взносами половины входной платы. Лучших условий и не выдумать, и «Товарищество» на седьмом небе»²¹.

Эта выставка хорошо посещалась и имела заметный финансовый результат. Произведения С. И. Васильковского, В. О. Врублевского, А. Г. Орлова, а также картина И. А. Владимировна на остро актуальную тему «Пленные немцы» были приобретены с этой выставки для Музея Академии художеств²².

Весной 1915 г. Александр Евгеньевич устроил в своем особняке «Выставку современных художников и древнерусского искусства», на которой экспонировалось около 1000 художественных произведений, рукописей и книжных раритетов из его личного собрания. Весь доход от входной платы был направлен в пользу раненых воинов²³. После этого публичные помещения в особняке Бурцева были реквизированы под лазарет и выставочная деятельность здесь прекратилась.

Салон Бурцева фактически стал одной из первых в Санкт-Петербурге галерей современного искусства, уступив первенство лишь Художественному бюро Н. Е. Добычиной; последнее, однако, ставило своей главной целью посредничество по сбыту художественных произведений и исполнению художественных заказов, тогда как салон Бурцева предусматривал, в первую очередь, благотворительность в отношении молодых художников, что выразилось в льготных условиях, на которых залы сдавались молодежи для устройства выставок.

Вплоть до осени 1918 г. Бурцев продолжал делать значительные коллекционные покупки, в частности, заказал К. А. Сомову акварель «Костры»²⁴ и при посредничестве Б. Д. Григорьева приобрел большую коллекцию автографов и писем деятелей искусства XIX века. «Позже Бурцев пришел в разорение» – вспоминал с резонерской холодностью антиквар Ф. Г. Шилов²⁵. Разорение это, разумеется, было вызвано отнюдь не личными качествами преуспевающего в недавнем прошлом финансиста. Революция с убедительностью маузера выдвинула новые условия общественного бытования. В конце 1918 капиталы Бурцева были аннулированы, особняк национализирован, а ему самому отвели в нем лишь небольшое жилое пространство (по словам А. С. Маркова, «маленькую каморку», «дворничку»²⁶). Вскоре бывший владелец был выдворен и из этого помещения и перебрался с женою к сыну Константину – служащему металлургического завода.

В начале 1920-х с введением НЭПа Бурцев ненадолго открыл в своем особняке частную книжную торговлю, зарегистрированную на имя его второго сына Германа. Сделать это удалось при содействии его старого знакомого Максима Горького, внесшего свои поправки в решение Петрсовета: «Открыть означенные магазины [Бурцева, Молчанова и Шилова. – Д. С.] на правах национализированных, а бывших владельцев привлечь в качестве заведующих»²⁷. Исследователь «книжного Петербурга», И. Е. Баренбаум, пишет: «Просвещенный библиофил по-прежнему занимался покупкой старых книг и автографов, консультировал покупателей магазина. Бурцева посещали и были с ним хорошо знакомы М. Горький, А. Луначарский, Демьян Бедный, В. Десницкий, К. Чуковский, П. Щеголев, Г. Верейский, В. Курбатов, М. Сергеев и многие другие деятели науки, литературы и искусства»²⁸.

В конце 1920-х Бурцев оставил коммерцию и стал сотрудником фундаментальной библиотеки при Педагогическом институте им. А. И. Герцена. Однако после убийства С. М. Кирова, когда началось массовое выселение из Ленинграда представителей дворянского и купеческого сословий, он как бывший предприниматель и домовладелец оказался в категории «социально опасных элементов». Несмотря на протесты и апелляции к крупным советским чиновникам, знавшим его по дореволюционному времени, Бурцев с женой, дочерью и внучкой в 1935 г. был выслан в Астрахань. 29 октября 1938 г. он вместе с женой, Параскевой Домиановной (урожденной Маркеловой) был расстрелян по ложному обвинению в шпионаже в пользу Финляндии. К этому времени значительную часть библиографической и художественной коллекции Бурцева была продана или передана им различным государственным библиотекам и архивам. Многие ценности унаследовала дочь Бурцевых, Ольга, которая в начале Великой Отечественной войны со своей дочерью Риной была выслана в Актюбинск. В послевоенные годы Рина при посредничестве И. Л. Андроникова передала остатки коллекции деда в фонды Центрального государственного архива литературы и искусства; некоторая часть собрания осела в Художественной галерее в Астрахани. Марков пишет: «И не надо сетовать, как это делал Иракий Андроников, что не удалось сохранить в единстве всё собрание. В основном оно оказалось в музеях и государст-

венных книгохранилищах, а некоторая часть, расплываясь в необъятном собирательском мире увлеченных людей, безмерно радуется души коллекционеров»²⁹.

Дом Бурцева на Бассейной улице в 1920-е после внутренней перестройки использовался как театральное помещение. Здесь до 1928 г. выступал Общедоступный передвижной театр режиссера П. П. Гайдебурова и актрисы Н. Ф. Скарской, действовала работавшая при нем театральная студия «Палестра». После 1928 г. здесь располагался Еврейский дом просвещения. Во второй половине 1930-х в здании шли спектакли Совхозно-колхозного театра им. Облесполкома, а в 1939 г. разместился 2-й Ленинградский театр кукол, получивший в 1955 г. название Большой театр кукол и работающий здесь до сих пор. За исключением некоторых утраченных лепных деталей фасада и перестроенного подъезда здание сохранилось для нас в первоначальном виде. Однако ничто сегодня не напоминает нам о его первом владельце – предпринимателе и меценате, беззаветно преданном литературе и искусству.

¹ *Смирнов-Сокольский Н. П.* Рассказы о книгах. М., 1959.

² *Шилов Ф. Г.* Записки старого книжника. М., 1965; *Мартынов П. Н.* Полвека в мире книг. Л., 1969; эти мемуары объединены под одной обложкой в издании: М.: Книга, 1990 – далее: *Шилов, Мартынов.*

³ *Андроников И. Л.* «Я хочу рассказать вам...». М., 1962.

⁴ *Петров А.* Пристрастие к книгам // Антиквар. 1902. № 1. С. 14-19; *Евгеньев [Кауфман А. Е.]* Наши музеи и коллекции // Наша старина. 1916. № 12. С. 952-955.

⁵ *Петрицкий В. А.* История одного заблуждения: Петербургский библиофил А. Е. Бурцев (1863 – 1938) // Русская демократическая книга. Книжное дело Петербурга–Петрограда–Ленинграда: Сб. научных трудов. Л., 1983. С. 65–63.

⁶ *Марков А. С.* Он был расстрелян как финляндский шпион // Волга (Астрахань). 2003. 9 июля (№ 98).

⁷ *Шилов, Мартынов.* С. 85.

⁸ Константин Андреевич Сомов. Письма. Дневники. Суждения современников. Л., 1979. С. 137.

⁹ *Антипова Р. Н.* Борис Григорьев: Очерк жизни и творчества // Псков: 2000. № 12. С. 14. О дружбе А. Е. Бурцева и Б. Д. Григорьева см. также:

Возман Л. А. А. Е. Бурцев – ценитель и собиратель работ Бориса Григорьева // Борис Григорьев и художественная культура начала XX в.: Сб. материалов. Псков, 1991. С. 11-14.

¹⁰ Мой журнал для немногих. СПб., 1913. Т. 6. Вып. 1 б; 1914. Т. 7. Вып. 4; Т. 9. Вып. 12; Мой журнал для любителей искусства и старины. СПб., 1913. Т. 4. Вып. 8, 9, 10. и др.

¹¹ *Антипова Р. Н.* Указ. соч. С. 15. Здесь же на с. 21-22 приводится перечень основных графических работ, выполненных Б. Д. Григорьевым для изданий А. Е. Бурцева.

¹² *Шилов, Мартынов.* С. 86-87.

¹³ Там же. С. 33.

¹⁴ *Ясинский И.* Дворец искусства // Биржевые ведомости. 1914. 23 янв. (№ 13966) (Утр. вып.)

¹⁵ Впечатления: О выставке «Независимых» // Обзорение театров. 1914. 4 февр. (№ 2344). С. 9.

¹⁶ *Ясинский И.* Указ. соч.

¹⁷ *Ростиславов А.* Выставка «Независимых» // Речь. 1914. 9 (22) февр. (№ 39). С. 3; см. также его репортаж об обеих выставках: Аполлон. 1914. № 3. С. 60.

¹⁸ Меценат. Выставка Внепартийного общества художников // Петроградская газета. 1914. 17 ноября (№ 316). С. 2.

¹⁹ ЦГИА СПб. Ф. 706. Оп. 1. Д. 1606. Л. 170; *Ростиславов А.* Меценатская выставка // Речь. 1914. 15 (28) окт. (№ 278). С. 2.

²⁰ Среди художников // Биржевые ведомости. 1915, 26 янв. (№ 14640). С. 3. (Веч. вып.)

²¹ *Брешко-Брешковский Н.* На выставке Товарищества художников // Биржевые ведомости.. 1915. 14 февр. (№ 14671). С. 5. (Веч. вып.). См. также его статью: В «Товариществе художников» // Биржевые ведомости.. 1915. 16 февр. (№ 14675). С. 5. (Веч. вып.)

²² Искусство и жизнь. 1915. № 4. С. 85.

²³ Любитель. На выставке современных художников и древнерусского искусства // Биржевые ведомости. 1915. 16 апр. (№ 14688). С. 4. (Веч. вып.).

²⁴ Константин Андреевич Сомов. Письма. Дневники. Суждения современников. Л., 1979. С. 188.

²⁵ *Шилов, Мартынов.* С. 87.

²⁶ *Марков А. С.* Указ. соч. С. 5.

²⁷ *Шилов, Мартынов.* С. 188.

²⁸ *Баренбаум И. Е.* Книжный Петербург. Три века истории. СПб., 2003. С. 386-387.

²⁹ *Марков А. С.* Указ. соч. С. 5.

*И. А. Голубева,
кандидат исторических наук
старший научный сотрудник
Государственного Русского музея*

**Секретарь Общества
«Старый Петербург — Новый Ленинград» В. М. Лосев
и его архивный фонд**

В процессе работы над монографией о П. Н. Столпянском в поисках сведений, расширяющих представление о нем, понадобилось обратиться к архивам современных ему деятелей науки и культуры. Так в поле нашего зрения попал фонд В. М. Лосева, содержащий ценные биографические и библиографические сведения об интересовавшем нас персонаже¹. Однако, ограничив исследование жесткими рамками личности П. Н. Столпянского, пришлось отказаться от пусть интересных, но побочных для основной линии повествования материалов. Отношения П. Н. Столпянского и его научного окружения были намечены пунктирно.

В настоящее время, приступив к комплексному изучению петербурговедения 1920-х – 1930-х гг., мы привлекли архив В. М. Лосева как часть источниковой базы исследования. Цель данного сообщения – показать его насыщенность и информационную ценность для исследователей, разрабатывающих краеведческую и петербурговедческую тематику.

Невольно напрашивается сравнение двух архивных фондов – П. Н. Столпянского и В. М. Лосева – и это сравнение не в пользу первого. Количественно оба фонда сопоставимы: в фонде П. Н. Столпянского 1247 единиц хранения, в фонде В. М. Лосева – 905. Характеристика фонда П. Н. Столпянского присутствует в посвященной ему монографии². Отметим лишь, что фонд разобран поверхностно, многие материалы не собраны в тематические блоки и зачастую рассредоточены в разных делах, что и составляло основную трудность в работе с ними, когда одни и те же дела приходилось запрашивать дважды, а то и трижды.

Совсем другую картину представляет собой фонд В. М. Лосева. Архив поступил в отдел рукописей ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (ныне РНБ) в 1945 г., и в 1967 г. был разобран главным

библиотекарем Е. П. Федосеевой, она же составила опись и написала краткую вступительную статью к ней. Опись имеет оглавление с отсылками на номера страниц и дел. Собранные в тематические разделы материалы, четко сформулированные заголовки дел – неоспоримое достоинство фонда.

Раздел «Биографические материалы» дает исчерпывающее представление об основных этапах жизни В. М. Лосева. Коснемся его биографии в самых общих чертах.

Вячеслав Михайлович родился 4 марта (по старому стилю) 1890 г. в селе Бацкино Брянского уезда в семье приходского священника. Закончив Орловскую духовную семинарию, он с 1909 по 1912 г. был преподавателем в земской школе и домашним учителем. С 1912 по 1916 г. В. М. Лосев учился в Императорской Петербургской (позже Петроградской) духовной академии, которую успешно закончил с ученой степенью кандидата богословия второго разряда³. Выполненные курсовые работы свидетельствуют о том, что в годы учебы в Академии его особенно интересовали историографические проблемы и вопросы древнерусского искусства и церковных песнопений⁴. Сообразно наклонностям была выбрана тема кандидатского сочинения по церковной археологии: «Богослужebные песнопения в росписях русских храмов».

Однако в послереволюционных документах сведения о духовном образовании исчезают, и в Трудовой книжке (от 8.07 1920) в графе образование значится «Высшее. СПб Археологический институт»⁵, а в Трудовом списке – «год выпуска 1916, аттестат от 10 мая 1916 г. № 345»⁶. Действительно ли одновременно с Академией В. М. Лосев окончил Археологический институт, или получил аттестат как-то иначе – еще предстоит выяснить. Во всяком случае, оставаясь верующим человеком, постоянно посещая храмы и отмечая религиозные праздники, он предпочитал умалчивать об окончании Духовной академии. Как бы то ни было, образование помогло развить природные склонности – страстный библиофил, он всегда оставался не менее увлеченным библиографом, всегда находя применение своим навыкам. Наиболее ярко эта склонность найдет выражение в работе над библиографией Петербурга – Ленинграда. «Библиография – одна из очень увлекательных отраслей знания, не даром среди библиографов были энтузиасты, посвятившие библиографии

свою жизнь. Библиография Санкт-Петербурга — Ленинграда введет каждого работающего по ней в самую гущу знаний о нашем городе, поэтому нет ничего удивительного, что каждый работающий по библиографии невольно увлечется ею и подарит Обществу «Старый Петербург» каким-либо (даже не одним) исследованием по истории города»⁷, — с такими словами он обратится к коллегам по Обществу 4 ноября 1931 г., выступив с предложением создания библиографической секции⁸.

Официальную трудовую деятельность В. М. Лосев начал 12 апреля 1916 г. в Государственном банке (после 1917 г. — Народный банк) Петроградского горфинотдела сначала помощником делопроизводителя, а с 1919 г. стал заведующим Главным архивом Народного банка⁹. В дальнейшем его трудовой путь складывался следующим образом: Петроградский отдел профессионального образования (Петропрофобр) (1920–1922; заместитель заведующего секретариатом, помощник заведующего организационно-инструкторским отделом, инструктор-ревизор)¹⁰; Сельскохозяйственный Институт (1923–1930; заведующий отделом обслуживания учащихся, заведующий личным составом, секретарь учебной части, член учетной комиссии, Центральная библиотека института)¹¹; Ленинградский институт прядильных культур (1931–1934; секретарь учебной части, заведующий библиотекой)¹²; Общество «Старый Петербург—Новый Ленинград» (10.08.1934–1.03.1938; секретарь Культурно-массового сектора с обязанностями заведующего библиотекой Общества, Ученый секретарь)¹³. Последнее место службы В. М. Лосева — Библиотека Академии наук, где он трудился старшим библиотекарем с 1939 г. до своей смерти в блокадном Ленинграде в 1942 г.

Итак, судя по Трудовому списку, перед нами на первый взгляд фигура ничем не примечательного служащего. Но это лишь внешняя сторона жизни, за которой стоит насыщенная творческая биография. В. М. Лосев был членом двух авторитетных научных обществ — Общества «Старый Петербург — Новый Ленинград» и Ленинградского общества коллекционеров. Документы, касающиеся его членства в этих обществах, выделены в два самостоятельных раздела представляют собой совершенно уникальные по значимости источники.

Прежде всего, это относится к разделу «Общество «Старый Петербург — Новый Ленинград» (228 дел). Среди них — мате-

риалы, отражающие деятельность В. М. Лосева в этом Обществе, которую можно было бы описать следующим образом.

В мае 1931 г. В. М. Лосев вступил в Общество и сразу же предложил программу организации библиографической секции и до марта 1938 г. был ее председателем. В 1932 г. он становится членом Совета, а в 1934 г. – членом Правления Общества. Следует пояснить, что Общество образовалось в 1921 г. как общественная организация, а с 1922 г. вошло в число обществ, подведомственных Петроградскому отделению Управления научных учреждений (ПУНУ) Акцентра¹⁴. В начале 1930-х гг. в результате многочисленных ходатайств Общество получило от Акцентра несколько штатных единиц, в том числе казначея и Ученого секретаря. С 1934 г. В. М. Лосев переживал тяжелые времена: он лишился работы (не исключено, что это было результатом «чистки», ставшей к этому времени массовым явлением, коснувшимся всех учреждений), перебивался случайными заработками и был серьезно озабочен поиском места. Общество пришло на помощь – 10 августа 1934 г. В. М. Лосев был оформлен на должность Секретаря культмассового сектора со ставкой 250 р. (с записью в трудовой книжке), с исполнением на общественных началах обязанностей казначея и заведующего библиотекой. В 1935 г. он стал Ученым секретарем Общества, сохраняя прежние общественные обязанности. Работа была очень напряженная: составление планов, отчетов, протоколов, переписка и переговоры с различными учреждениями, хождение по инстанциям, прием различных комиссий и т. д. При этом главным делом оставалось руководство библиографической секцией и непосредственная работа над созданием библиографического указателя по истории города. Этому сюжету посвящена публикация Е. В. Конюховой, поэтому здесь мы его касаться не будем¹⁵. Из отчетов следует, что за время пребывания членом Общества В. М. Лосевым было прочитано 17 докладов, и это помимо сообщений, библиографических обзоров и разборов старых книг и новой литературы по Петербургу – Ленинграду), разработано 23 экскурсионных маршрута.

В подразделе «Труды В. М. Лосева в Обществе» (46 дел)¹⁶ помимо докладов, рецензий, планов исследований, библиографических материалов (картотеки) и т. д. обращают на себя внимание три солидных дела: «Петербург в поэзии» (438 листов),

«Ленинград в поэзии» (147 листов) и «Материалы к библиографии о Петербурге — Ленинграде в поэзии» (55 листов)¹⁷. Предстоит еще тщательная работа, но думается, что не будет преждевременным высказать предположение (пока гипотетическое), что здесь в лице В. М. Лосева мы имеем продолжателя направления, зачинателем которого выступил Н. П. Анциферов. Как известно, в 1929 г. на одном из заседаний ЦБК специалист по производственному краеведению В. А. Федоров потребовал отмежеваться от его труда «Душа Петербурга» как антимарксистского. Надо отдать справедливость ЦБК, где это требование никто не поддержал. После ареста в том же году Н. П. Анциферова развивать начатую им линию было не только бесперспективно, но просто опасно. Тем не менее, В. М. Лосев не только собирает материалы, делает на их основе доклады в Обществе, но включает в План работы библиографической секции такие темы как «Библиографирование художественной прозы (включая сюда очерковую литературу) о СПб—Ленинграде» (п. 2), «Библиографирование поэтических произведений, имеющих своей темой Санкт-Петербург — Ленинград во всех проявлениях его жизни» (п. 3), «Библиографирование драматической литературы, имеющей отношение к Санкт-Петербургу — Ленинграду» (п. 4)¹⁸.

Подраздел «Пригороды и окрестности Ленинграда» (18 дел)¹⁹ включает в себя библиографию и заметки обо всех ближайших пригородах Петербурга. В их числе: Общий библиографический указатель (202 листа); Библиографический указатель и заметки по Павловску (более 500 листов); Библиография, заметки и выписки о Петергофе (ок. 800 листов); Библиографический указатель по Царскому Селу (ок. 200 листов).

Подраздел «Труды разных лиц Общества» (22 дела)²⁰ включает тексты докладов В. А. Мануйлова (Лермонтов в Петербурге: 1832 — 1841 гг.), С. Давыдова (Пушкин в книжных лавках Петербурга), А. И. Никольского (Адреса мемориальных досок на зданиях Ленинграда), Н. М. Осипов («Белая ночь»: экскурсия по Ленинграду, проведенная Обществом), С. В. Поль (Описание кладбища вокруг церкви св. Сампсония Странноприимца на Выборгской стороне; Памятные доски на домах Ленинграда — с текстами и адресами), А. Семенов (Улица Плеханова — текст экскурсии; Улица Чехова — текст экскурсии), и др. в том числе доклады неизвестных авторов.

Подраздел «Документы и переписка Общества» (18 дел)²¹ помимо писем в редакцию «Красной газеты», Комитет охраны памятников по Ленинградской области, содержит акты обследования домов, кладбищ, списки могил и памятников, охраняемых.

Документы этого раздела поистине бесценны. Дело в том, что обширный и очень содержательный фонд Общества, хранящийся в ЦГАЛИ СПб, содержит материалы, отражающие его деятельность с момента основания в 1921 г. до 1932 г. Как известно, распоряжением властей Общество было закрыто в 1938 г. Таким образом, в ЦГАЛИ отсутствуют сведения о более чем пяти последних годах его существования. Этот пробел во многом восполняется материалами архива В. М. Лосева.

Меньший по объему, но не менее содержательный раздел «Ленинградское общество коллекционеров» насчитывает 79 дел и состоит из четырех подразделов. Первый (20 дел) включает планы работ, протоколы заседаний секции библиофилов и экслибрисистов (членом которой был В. М. Лосев) и труды ЛОК за 1933 – 1938 гг.²² Во второй подраздел (13 дел) включены работы В. М. Лосева, выполненные им в ЛОК, в том числе рукопись «Кто что собирает. Справочник ЛОК на 1936 г.» (65 л.), текст доклада «Книга в произведениях русских поэтов (с 1917 г.)», варианты корректуры книги Э. Ф. Голлербаха и В. М. Лосева «Литература о Детском Селе», выпущенная в свет в 1933 и др.²³ Чрезвычайно интересны материалы третьего подраздела «Труды и переписка членов ЛОК» (21 дело), содержащий тексты докладов А. Г. Биснека, Е. А. Розенбладта, П. И. Савинова и др., а также доклады неизвестных авторов (согласно описи и заголовкам дел)²⁴. Среди последних выделяется доклад «В. Н. Аргутинский, П. Я. Дашков и Н. К. Синягин – коллекционеры материалов о Петербурге». Кстати, его автор – Ф. Г. Шилов²⁵, известный антиквар-библиофил, что следует из контекста доклада. Наконец, четвертый подраздел (25 дел)²⁶ – это собранная В. М. Лосевым коллекция экслибрисов, наклеек и штампов библиотек России (более 200) и библиотек Петербурга – Ленинграда и его пригородов (более 600). Вынести оценку этой коллекции еще предстоит, однако сам В. М. Лосев с гордостью отмечал, что в ней присутствуют редкие и даже уникальные экземпляры.

Ценность этого раздела неоспорима, так как в истории коллекционного дела Петербурга – Ленинграда существуют большие

пробелы, поэтому документы 1930-х гг. обладают большой исторической ценностью.

Под конец не лишним будет кратко осветить еще одну сторону деятельности В. М. Лосева. Еще в молодые годы у юноши возник стойкий интерес к истории своей малой родины и, проживая до 1912 г. в провинции, он собрал богатые материалы по истории Брянского и Орловского краев и своего родного села Бацкино (в т. ч. в его собрание вошли книги и рукописные материалы преподавателя Орловской духовной семинарии исследователя Орловской старины Алексея Евгеньевича Попова). Несмотря на то, что хранившиеся в доме отца материалы пострадали от рук местных вандалов, значительная их часть сохранилась в архиве исследователя. Для примера назовем: «Летописи о Бацкине»; заметка, план и программа историко-бытовых сведений по селу Бацкино (выписки и заметки); «Брянские епископы» – фрагмент исследования; очерк по истории брянского монашества «Отшельники Брянского края в 18 век»; библиографический указатель по Брянску – 679 единиц (картотека); перечень периодических изданий по Брянску – 104 ед. (картотека); деятели и уроженцы Брянска – около 500 листов материалов и др. Отложившие в архиве документы весьма солидны, они свидетельствуют о том, что, несмотря на молодые годы, собиратель – отнюдь не дилетант.

Итак, весьма бегло осветив архивный фонд № 443, можно смело утверждать, что В. М. Лосев – достойный представитель славной плеяды петербурговедов-краеведов 1920 – 1930-х годов, деятельность которого достойна более пристального внимания, нежели это скромное сообщение. Архив историка дает тому все основания.

¹ ОР РНБ. Ф. 443 (В. М. Лосев). Д. 187, 207.

² Голубева И. А. Петр Николаевич Столпянский – историк Санкт-Петербурга. СПб, 2007.

³ ОР РНБ. Ф. 443, Д. 2, Л. 7 об. – Запись в Паспортной книжке, выданной Канцелярией Государственного банка 24.01.1917 г.

⁴ Там же. Д. 322 (Блаженный Феодорит как церковный историк. 1-е семестровое сочинение по истории древней церкви. 1912 г. 35 л.); Д. 326 (Инокания Кассия и ее церковно-поэтические творения. Семестровое сочинение по истории греко-восточной церкви. 1914 г. 19 л.); Д. 329 (Творения

св. Георгия Богослова как источник церковных песнопений. 2-е семестровое сочинение по литургии. 1915 г. 9 л.); Д. 331 (Церковные песнопения в росписях русских храмов. Курсовое сочинение. 1916 г. 56 л.).

⁵ Там же. Л. 85 об.

⁶ Там же. Л. 129 об.

⁷ Там же. Д. 116. Л. 2.

⁸ Там же. Д. 116. Л. 1.

⁹ Там же. Д. 27–54. (Документы В. М. Лосева; документы, касающиеся работы архива Народного банка; управляющего Петроградской конторой Народного банка А. А. Миронова; протоколы общих собраний служащих; докладные записки о реорганизации архивного дела в учреждениях Народного банка и др.).

¹⁰ Там же. Д. 55–70. (Документы В. М. Лосева; отчеты о деятельности Петропрофобра за 1920-1922 гг.; список членов группы левой петроградской профессуры; подлинная записка Н. И. Вавилова от 21.09.1921 г. и др.).

¹¹ Там же. Д. 71–87. (Документы В. М. Лосева; отчеты института и его опытных станций; протоколы заседаний; заметки и вырезки из газет об ученых института; юбилейные речи; фотопортреты и др.).

¹² Там же. Д. 88–99. (Документы В. М. Лосева; составленный им перечень научных работ профессоров, преподавателей и аспирантов ЛИПК; записные книжки с заметками о ЛИПК; письма и заметки сотрудников института и др.).

¹³ Там же. Л. 129–135.

¹⁴ ЦГА СПб., Ф. 2555, Оп. 1, Д. 919, Л. 15

¹⁵ *Конюхова Е. В.* Проект создания библиографического указателя по истории города петербургского краеведа В. М. Лосева // *Петербургские чтения-95*. СПб, 1995. С. 220–222.

¹⁶ ОР РНБ, Ф. 443, Д. 116–161.

¹⁷ Там же. Д. 125, 126, 127.

¹⁸ ОР РНБ, Ф. 443, Д. 228. Л. 1–2.

¹⁹ Там же. Д. 162–179.

²⁰ Там же. Д. 180–201.

²¹ Там же. Д. 202–219.

²² Там же. Д. 228–247.

²³ Там же. Д. 248–260.

²⁴ Там же. Д. 261–281.

²⁵ Шилов Федор Григорьевич (1879 – 1962) – в 1927 – 1929 гг. владелец магазина «Антиквариат»; автор книги «Записки старого книжника». М., 1965.

²⁶ ОР РНБ, Ф. 443, Д. 282–306.

*А. Ф. Векслер,
педагог и исследователь, член редколлегии
«Нового топонимического журнала»*

Рукописи В. Я. Курбатова по истории искусства в его личном фонде в Архиве Академии наук

Жизнь и многогранное творчество Владимира Яковлевича Курбатова (1878 – 1957), ученого-химика мирового уровня, педагога и выдающегося специалиста в области истории искусства привлекают постоянное внимание исследователей. В годы, последовавшие за 120-летием со дня рождения ученого, опубликован ряд работ, основанных на изучении творческого наследия и личного архива В. Я. Курбатова¹. И если библиография работ ученого в области химии известна практически полностью², то сколько-нибудь полная библиография его печатных работ и докладов по истории искусства до настоящего времени не составлена, хотя подавляющее число этих работ посвящено истории, культуре и искусству Петербурга. Тем интереснее библиография³, составленная самим Владимиром Яковлевичем по тематическому принципу около 1937 г., и снабженная авторскими аннотациями и ремарками к большинству публикаций. Однако при составлении списка своих работ В. Я. Курбатов указал лишь название журнала или сборника, где опубликована та или иная работа, и год издания, причем многие работы, опубликованные до 1937 г., в этот список не попали. Список Курбатова, к сожалению, в последующие годы им не пополнялся.

Достаточно полную библиографию историко-краеведческих публикаций В. Я. Курбатова опубликовали А. Ф. Векслер и М. В. Суслова в 2006 г.⁴, причем первый автор опирался на архивную рукопись, тогда как второй выявил значительное число прижизненных и более поздних публикаций работ В. Я. Курбатова и отзывов на них и уточнил библиографическое описание этих публикаций.

Рукописное наследие В. Я. Курбатова хранится в его личном фонде в Петербургском филиале Архива Академии наук и насчитывает 1079 единиц хранения. Большую часть фонда составляют документы, относящиеся к деятельности Курбатова как ученого-

химика, но и интересующие нас документы по истории искусства составляют значительную часть фонда, причем авторские аннотации к составленной В. Я. Курбатовым библиографии своих искусствоведческих и историко-краеведческих работ и отзывы современников на его публикации и выступления с докладами в различных аудиториях свидетельствуют о постоянно расширяющемся круге его интересов, углублении и совершенствовании знаний в области искусства. Немногочисленные справки и варианты автобиографии позволяют воссоздать жизненный путь замечательного ученого, выдержавшего немало гонений за свою принципиальную позицию в защите культурного наследия Санкт-Петербурга, а черновики его работ обнаруживают значительную заинтересованность ученого в популяризации своих идей и знаний.

Начальный интерес к изучению предметов искусства, расширившийся впоследствии до осознания теории искусств, был обусловлен в значительной степени Павловском – местом постоянного пребывания юноши Курбатова. «Все детство и значительная часть юности были проведены из-за малолетности родителей в Павловске, – писал он в своих заметках. – Это возбудило еще подсознательно вопрос – какое место среди других произведений искусства занимает Павловск и особенно его парк, великое произведение Воронихина и Гонзаго, так как в 1890-х годах парк никто за произведения искусства не считал»⁵. В гимназические годы (в 1896 году Курбатов закончил с золотой медалью 7-ю Петербургскую гимназию) он изучил множество эрмитажных коллекций и прочел немало книг по истории искусства в Публичной библиотеке с целью найти ответ на вопрос о значении русского искусства XVII – XIX вв. Этот вопрос заинтересовал гимназиста настолько, что он «...в 1893 году (будучи учеником 5 класса) составлял рефераты по статьям Т. Н. Грановского». Юношу остро беспокоили связи, переходы от искусства старых мастеров к новому искусству, какие он видел в павловских и царскосельских дворцах и парках. «После первого самостоятельного путешествия (в 1893 году) по Волге до Нижнего Новгорода и из Ярославля в Москву стал искать указаний по истории русского искусства преимущественно XVI и XVII веков, тогда как описания в книгах заканчивались 1500 годом (конечно, поиски были в общем неудачными, но громадный материал, особенно

фотографии, выставленные в то время в музее Штиглица, был пересмотрен)»⁶. Чтобы иметь возможность углубленно заниматься проблемами искусства, Курбатов, несмотря на то, что мог «без труда попасть в любой привилегированный институт, например, Горный или Путей сообщения», поступил на естественное отделение физико-математического факультета Петербургского университета. Окончание университета, где Курбатов уже с 1900 года работал лаборантом на кафедре химии, дало уверенность в будущем, обеспечило возможность заниматься любимым делом. В 1899 году он сблизился «с большой группой художников (И. Е. Репин, В. А. Серов, А. П. Остроумова-Лебедева, И. И. Левитан, Е. Е. Лансере, С. П. Яремич и т. д.)», что дало возможность познакомиться «с исследователями художественной старины В. и А. Васнецовыми, А. В. Стасовым и др.», оказавшими благотворное влияние на формирование художественных воззрений Курбатова. О своем знакомстве с ним летом 1900 года А. Н. Бенуа писал: «В то же время я ближе сошелся с юным химиком Владимиром Яковлевичем Курбатовым, у которого изучение подстольных достопримечательностей стало впоследствии его «добавочной (кроме химии) специальностью»⁷.

Первые искусствоведческие публикации Курбатова – заметки по истории русского искусства в журнале «Художественные сокровища России» (всего 17 заметок, подписанных инициалами В. К.), как и первые печатные работы Курбатова-химика, были напечатаны в 1901 г. В своем списке работ В. Я. Курбатов не приводит полного перечня публикаций 1901 г., снабжая упоминание о них ремаркой: «Первая попытка установить историю отдельных отраслей русского прикладного искусства XII – XIX веков. Ввиду отсутствия аналогичных материалов составлены на основании рассказов и зарисовок путешественников». Тогда же к Курбатову, оказавшемуся одним из немногих в Петербурге исследователей, «занимавшихся изучением произведений русского искусства IX – XVII веков не только в академических кабинетах, но и на местах», обратилась редакция журнала «Зодчий» с просьбой о написании серии статей о русских архитекторах XVIII – XIX вв., и прежде всего о родоначальниках русского классицизма В. И. Баженове и А. Н. Воронихине. «Сейчас трудно себе представить, – писал исследователь, – как непонятны и запутаны были приводимые в книгах и словарях данные о появлении

и образовании этих зодчих и даже об их работах и о соотношении их искусства с искусством Запада той эпохи даже по сравнению с теми далеко неполными сведениями, которые имеются сейчас⁸. Статьи, опубликованные в «Зодчем» в 1905 – 1907 гг., показали растущее мастерство их автора в анализе сложных проблем русского зодчества начала XX в. и подтвердили славу Курбатова как архитектурного критика (эту сторону его деятельности проанализировал С. П. Заварихин в своем докладе на конференции Ассоциации исследователей Санкт-Петербурга 1994 г.⁹). Изучив ряд исторических русских стилей, Курбатов приходит к выводу об их разнообразии, не меньшем, чем на Западе, и делает первые попытки установить основные черты зодчества конца XVIII – начала XIX в. Его статьи этих лет о творчестве Баженова, Воронихина, Растрелли, рассматривались современниками как первые подробные характеристики стиля великих мастеров и места их творчества в истории искусства. Свои рассуждения о сути архитектурного стиля исследователь продолжил в статьях «О стиле и ложных стилях», «О классических стилях Петербурга» и др., где ввел понятие о «ложных» стилях и привел характеристики важнейших стилей в истории русского искусства, дал четкие определения стилей, подобные, например, такому: «Классическими стилями в противоположность барочным принято считать те, где достигается возможная простота».

Глубокие теоретические знания позволили В. Я. Курбатову осмыслить и критически оценить состояние петербургской архитектуры и города вообще в начале XX в. Исследователь петербургской культуры начал выступать в печати с критикой изменений городской архитектурной среды, вызываемых необдуманными ремонтами и перестройками, попытками замены классических архитектурных форм и градостроительных решений на новые. Его острые статьи о «текущих вандализмах» печатают журналы «Зодчий», «Старые Годы», «Городское дело». Усилиями В. Я. Курбатова, А. Н. Бенуа, И. Э. Грабаря, Г. К. Лукомского, И. А. Фомина, и других передовых деятелей русской культуры были предотвращены работы по перестройке Чернышева моста, здания Двенадцати коллегий, Адмиралтейства, изменению облика Инженерного замка и площади перед ним, спасены от уничтожения пришедший в плачевное состояние дом Адамини на

набережной Мойки (1909) и усадьба Г. Р. Державина на Фонтанке, на месте которой предполагалось возвести новый римско-католический собор (1912). Курбатов вместе со своими единомышленниками выступает и против «модернистских» течений в современной петербургской архитектуре, категорически не приемлет архитектурного стиля «модерн», поборники которого стремятся, по мнению «классицистов», попросту расправиться с только и присущим Петербургу классицизмом. Недаром в своей библиографии автор снабдил указания на статьи «антивандального» цикла многочисленными аннотациями: «Эта заметка спасла от изуродования одно из ценных произведений зодчества, ценный памятник инженерного дела», «Эта статья, как и мои другие публикации, спасли от грозящего искажения здание, созданное Баженовым и другими зодчими». «Эта статья предотвратила уже подписанный Николаем II проект застройки площади перед Инженерным замком», «Перечень ряда вандализмов, совершаемых в столице», «Описание <Павловского парка> и указание на основные вандализмы, допущенные высокопоставленными владельцами, приведшие к столкновению с последними», «Указание на необходимость сохранения быстро исчезающих, благодаря застройкам, замечательных парков (Кушелевский в Лесном, Строгановский, Головинский)» и т. п. В. Я. Курбатов в своих публикациях и публичных лекциях постоянно обращается к особенностям исторической городской среды Петербурга, говорит об исторической и градостроительной значимости петербургских площадей, дворцов и храмов, изучает основные типы убранства городских площадей и делает выводы об их значении для планировки и красоты города, рассматривает динамику жизни объектов городской среды как произведения искусства, многократно возвращаясь к ранее высказанной им мысли, что «... каждое произведение искусства, созданное для жизни, теряет при изменении экономическо-социальных условий свое значение в жизни и делается музейным». Ученый не отвергает новые архитектурные стили «с порога», но тщательно изучает их, находя их неизбежным следствием эпохи. Так он исследует архитектуру неостилей и приветствует обращение зодчих к неоклассике и неорусскому стилю.

В 1908 «Зодчий» публикует статью В. Я. Курбатова «О садовой архитектуре», в которой автор дал основные определения

понятий и показал типы садовой архитектуры. Эта работа открыла целый ряд публикаций о садах и парках – давней привязанности Курбатова, начало которой положил любимый Павловск, а многочисленные зарубежные командировки, связанные с университетской профессией, позволили ему изучить все, сколько-нибудь замечательные европейские сады и собрать по ним почти исчерпывающую литературу. Обобщая накопленные знания, Курбатов публикует статьи «О городских садах и парках», в которой рассматривает основные типы городских садов и парков европейских столиц и их соотношение с планировкой города («Городское дело», 1909), «Сады Италии» («Вестник Общества садоводства, плодоводства и огородничества», 1909; «Зодчий», 1909), где подробно излагает историю садового дела в Италии и дает описание основных образцов, выделяя особо ранние и поздние римские сады, флорентийские виллы и виллы Северной Италии, «Французские парки» («Зодчий», 1909) с исследованием динамики французского сада, творчества Ленотра и архитектурных садов большого размера, садов переходной эпохи и декорационного пейзажного стиля. И только после этих публикаций, приобщивших русского читателя к тайнам европейского паркостроения, Курбатов обращается к российским паркам и садам: Община св. Евгении Красного Креста издает его художественно-исторический очерк и путеводитель «Павловск» с книжными украшениями А. П. Остроумовой-Лебедевой (брошюра в 50 страниц с кратким описанием дворца и парка, 1909). В 1912 г. Курбатов в статье «О петербургских садах» рассуждает о перепланировке Александровского сада, а Община св. Евгении издает «Павловск» теперь уже на 224 страницах с иллюстрациями и планом парка. «При составлении этой книги изучен впервые весь архив Павловска... Самое же главное, что во время разборки дворцового архива за шкафами удалось найти свыше 400 чертежей и проектов великих зодчих для дворца и парка: <с их разбором> целый ряд ранее высказанных предположений... подтверждался» – написал по поводу выхода книги автор¹⁰.

Многие ранние работы Курбатова нашли свое отражение в его монографии по истории русского искусства «Петербург: художественно-исторический очерк и обзор художественных богатств столицы» (1913). «В отличие от Павловска вопросы о строительстве Петербурга, как в то время, так даже и сейчас в

значительной степени не ясны, благодаря утрате документов, чертежей и даже изображений некоторых исчезнувших построек, например, «Итальянского дворца», – писал Курбатов в 1937 г. – Поэтому «Петербург», несмотря на выход почти одновременно обстоятельной и ценной книги И. Э. Грабаря («Петербургская архитектура в XVII – XIX веках», 4-й том энциклопедического издания «История русского искусства». 1912 – А. В.), внес некоторые существенные добавления. Хотя книга и имела основной задачей раскрыть художественную ценность «строгостройного вида» северной столицы, тем не менее, она сыграла роль и возбудителя интереса и любви ее населения к красоте и к истории места образования пролетарской диктатуры»¹¹. «Петербург» вызвал множество отзывов и навсегда закрепил за В. Я. Курбатовым место умелого исследователя мировой культуры и выдающегося знатока истории и культуры Санкт-Петербурга.

Авторитет ученого-искусствоведа еще более возрос с выходом в свет обширной хорошо иллюстрированной монографии «Сады и парки», восполнившей существенный пробел в мировой литературе о садово-парковом искусстве. «Книги по истории садового искусства в мировой литературе вообще немногочисленны, – писал в своей аннотации автор. – Крупные зарубежные издания к тому же почти исключительно имеют тип подарочных альбомов... Для России же, с одной стороны, нужно было выяснить существование или возможность существования свойственных ей самой садовых устройств, а с другой, установить основные черты садоустройства... Книга... содержит в себе полную историю садового искусства, причем показаны причины (экономические, политические и т. д.), определившие разные типы садоустройств в разные эпохи. Указана и причинная последовательность изменения типов в зависимости от бытовых требований разных эпох. Русским садам и паркам отведена весьма значительная часть (свыше одной трети) и текста, и иллюстраций. (До этого ограничивались упоминаниями о Петергофе и почти ничего не говорилось о пейзажных садах России.)» (10). В своей аннотации автор рассматривал книгу «Сады и парки» как первую попытку «...в мировой истории садового искусства вместе с историей садов (Египет, Месопотамия, античность, Мавритания, средневековье, Возрождение, Флоренция, Рим,

Франция до Ленотра, искусство Ленотра, французские сады XVIII в. и подражание им в Европе и Китае)» рассказать «очень подробно об архитектурных садах XVIII в.» Как существенно новое для книг по истории садового искусства автор отмечает введение в свою книгу подробной истории и описание пейзажных садов Англии и Франция и особенно подробно – русских пейзажных парков XVII – XIX веков, а также садовой скульптуры.

«Для составления этой книги, – особо отмечает автор, – изучены... «архивы Петербурга, Павловска, Царского Села, Петергофа, обширная литература и осмотрены почти все сады и парки Европы»¹². И если первоначально книга рассматривалась «только как художественно-историческое исследование для любителей садов и архитектуры, «...то после 1925 года, когда началось переустройство городов... книга «Сады и парки» получила значение руководства, и притом, пока единственного, потому что в ней указаны не только приемы, как устраивались сады раньше, но приведены соображения, как устраивать сады и парки, используя особенности местности... для достижения наибольшего художественного результата»¹³. «Сады и парки» стали своего рода справочной книгой по вопросам проектирования садов и парков», а ее автору к своим многочисленным занятиям пришлось добавить весьма экзотическую должность комиссара садов и парков и в его «заведовании» было «55 точек, и в летнее время до 5000 рабочих». Авторитет ученого в немалой степени помогал «при переговорах с местными властями... самым простым способом объяснить художественное и историческое значение произведения, постройки, парка, чтобы вопрос не только о сохранении, но и о возобновлении некоторых устройств решался в самой культурной форме ...»¹⁴

После 1910 года ученый постоянно выступал в печати и на разнообразных собраниях с работами, популяризирующими искусствоведческие знания. Таковы многочисленные публикации в «Ежемесячном журнале литературы, науки и общественной жизни» (1910 – 1911), объясняющие «неподготовленному читателю» на примерах величайших образцов стеной живописи приемы украшения стен, приемы достижения великими мастерами высокой красоты в изображении живой природы, портрета, страданий, воображения как «перла создания», статьи в

«Вестнике Северной Коммуны» (1919 – 1920) с «описанием и выяснением художественной ценности сокровищ окрестностей Петрограда, входящих в ведение Комиссариата имуществ Республики», статьи в сборниках «Творчество» (1918), «Искусство и народ» (1923), развивающие идеи ценностей произведений культуры. В 1922 году В. Я. Курбатов опубликовал в «Известиях Высшего института фототехники и фотографии» программную статью «Важнейшие задачи художников-фотографов в России». Автор работы, замечательный знаток и ценитель прекрасного, одним из первых заметил и указал на значение фотографирования объектов культуры для их изучения и популяризации. «В первый момент может казаться, что задачи фотографии очень ограничены и, в частности, художественность фотографии недостижима, между тем, фотография является как бы одним из пределов искусства, тем пределом, к которому впервые подошло вплотную в рельефах Куюнджика за 900 лет до Рождества Христова... Фотография, которая, по существу моментальна, дает предельное техническое средство передать момент, но нужно этим умением овладеть. Эта задача... кажется простой, а в исполнении оказывается чрезвычайно трудной, так как для овладения ею нужно многое увидеть...»

Прежде, чем говорить собственно о задачах русских фотохудожников, автор дает пространный сравнительный очерк стротельного мастерства прошлого и современности. «...XIII век сумел покрыть каменными сводами высотой в двадцать саженей готические соборы, размеры которых едва ли превзойдены нынешними вокзалами. Он создал цветные окна таких размеров, что нынешние украсители зданий только мечтают о них, а художники недоумевают перед простотою средств и сложностью эффектов «роз» Парижа или Страсбурга. Зодчие XII – XIII веков, бывшие одновременно и художниками, и техниками, дошли до предела легкости каменных сооружений; наши же железные и железобетонные сооружения кажутся циклопическими по сравнению с висящими на воздухе контрафорсами Нотр-Дам. Мы знаем, что удивительный расчет готических соборов был найден без чертежей, воображением будущей постройки в пространстве, причем образ ее передавался без чертежей или, вернее, намеками на них из поколения в поколение во время постройки здания, тянувшейся веками. <...>. Нашему же времени особенно хвастаться совершенством своей техники не приходится...».

Далее автор конкретизирует задачи для фотографов в популяризации «строгой и стройной красоты Петербурга» и формулирует условия создания «художественных» фотографий: кроме вкуса и мастерства фотограф должен обладать «умением при начале работы представлять себе весь ее ход и все необходимые приемы». Указывая объекты съемки, Курбатов пишет: «Материала без конца кругом. Кто видел щедринских воинов на Адмиралтействе и кто их покажет так, чтобы можно было оценить их спокойную уверенную позу? А это непросто, так как приходится снимать или с колоннады, расположенной выше, или с крыши, которая много ниже. Кто даст полные снимки иконостасов Петропавловского и Никольского соборов, на две трети закрытых от объективов столбами и сводами церкви». В качестве примеров автор работы упоминает фотографии Н. Г. Матвеева, А. Н. Павловича, П. С. Радецкого, иллюстрирующие вместе с гравюрами А. П. Остроумовой-Лебедевой и фотографиями самого автора книгу В. Я. Курбатова «Петербург»¹⁵.

В своей новой работе В. Я. Курбатов еще раз обратил внимание специалистов и общественности на возрастающую роль искусства в современной жизни и необходимость в связи с этим художественного воспроизведения памятников искусства для их изучения и популяризации, о чем он постоянно писал ранее. Так, в предисловии к VI изданию каталога «Открытые письма и другие художественные издания Общины св. Евгении Красного Креста» (Пг., 1915) он утверждал, что «в переживаемую нами эпоху искусство становится одним из элементов общественной жизни. Никогда еще не проявлялся в такой яркой и определенной степени, как в настоящее время, интерес к художественным произведениям всех родов. Живопись..., скульптура, архитектура, гравюра, рисунки, все то разнообразие предметов, которое составляют историческую ценность, или же те, которые служили принадлежностью обихода былых времен – все это в своей совокупности находит своих любителей и горячих поклонников в самых широких кругах общества».

Особого уважения заслуживают четкость и принципиальность, с которыми ученый определяет далее роль издателя, популяризирующего произведения искусства и «...посвящающего все свои силы идейно-художественной стороне дела» Эта роль «...необыкновенно сложна и сопряжена помимо технической своей

стороны с чисто принципиальными трудностями. Прежде всего, в означенной специальности необходима широта взгляда и строго обдуманная планомерность. В противном случае общая мысль легко может быть затемнена побочными предметами, преобладание которых может повредить основной идее. Трудность задачи еще более увеличивается, когда приходится обращаться к современному искусству. Здесь не должен быть допущен дух партийности; издатель, который ставит своей целью полноту <отображения> художественного настроения эпохи, обязан совершенно объективно, без всякого лицепрятия, останавливать свой выбор только на положительных ценностях. Только тогда и возможно выразить настроение эпохи со всем разнообразием ее художественной жизни».

В декабре 1913 – январе 1914 года В. Я. Курбатов принял активное участие в 1-м Всероссийском съезде по вопросам народного образования, отразившем настроения педагогической общественности. Ученый фактически возглавил всю работу по подготовке культурологической выставки для участников съезда и в своей пояснительной записке изложил идеи и программу преподавания искусств в народной школе. В. Я. Курбатов предложил под руководством опытного педагога провести ученика тем путем, которым сам он прошел в юности самостоятельно: от античного и древнерусского искусства к искусству средневековья, эпохи возрождения и современности¹⁶.

Эстетические и художественно-исторические экскурсии

В. Я. Курбатов включил в свой список и ряд работ, находящихся в различных редакциях, сопроводив их, как и работы основного списка, примечаниями и ремарками:

Мосты и набережные Ленинграда (*сдано в печать Лен. Союзу зодчих*). 1936.

Сады и парки Ленинграда (*сдано в печать Лен. Союзу зодчих*).

Решетки Ленинграда (*закончено печатанием в Академии наук*). 1937.

Сады и виллы Италии. 1937. Глава для учебника архитектуры. *Принята к печатанию Всесоюзной Академией архитектуры.*

Сады и парки Франции. 1937. Глава для учебника архитектуры. *Принята к печатанию Всесоюзной Академией архитектуры.*

После возвращения в Ленинград из Казани В. Я. Курбатов продолжал трудиться над следующими работами, к сожалению не увидевшими свет (13):

К вопросу о творцах строгого и стройного вида Ленинграда.
Эпоха Возрождения.

Основные черты эволюции в искусстве.

Кто автор Исаакия?

Град Петра: Воронихин. Росси.

Художественный облик Казани.

А. П. Остроумова-Лебедева (воспоминания).

Гатчина, Ломоносов.

Петергоф.

В 1950-х гг. Владимир Яковлевич Курбатов работал над иллюстрированным изданием к 250-летию основания города, куда он предполагал включить довоенные фотографии памятников истории и культуры, выполненные как известными фотомастерами, так и им самим. Собранные им фотоматериалы для этого издания были сданы в Лениздат в 1951 году¹⁷.

¹ *Заварихин С. П.* В. Я. Курбатов как архитектурный критик // Петербургские чтения: Тезисы докладов на конф. 23-27 мая 1994 г. – СПб., 1994. – С. 92-95; *Векслер А. Ф.* Владимир Яковлевич Курбатов (К 120-летию со дня рождения) // Топонимический журнал. – 1998. – № 1. С. 55- 56; Его же. Владимир Яковлевич Курбатов и его «Петербург» // История Петербурга. – 2001. – № 4. – С. 3-9; Лицо века (В. Я. Курбатов) // Наше наследие. – 2001. – № 56. – С. 112-119; *Векслер А. Ф.* В. Я. Курбатов в Петрограде – Ленинграде // История Петербурга. – 2002. – № 2 (6). – С. 3-8; *Богуславский Г. А.* Профессор Владимир Курбатов // Петербургский курьер. 2003. – № 5 (5-12 февр.). – С. 20.

² *Мищенко К. П.* Владимир Яковлевич Курбатов, (1878-1957) / К. П. Мищенко, В. В. Разумовский // Журнал общей химии. – 1959. – Т. 29, Выпуск 11. – С. 3513. Библиография работ В. Я. Курбатова в области химии 136 названий

³ Архив РАН, Ф. 858, Оп. 1, Д. 124, Л. 19-32.

⁴ *Векслер А. Ф.* Библиография В.Я. Курбатова по истории искусства / А. Ф. Векслер, М. В. Сулова // Невский архив. – СПб., 2006. – Вып. 7 – С. 590-631

⁵ Архив РАН. Ф. 858, Оп. 1, Д. 124, Л. 2.

⁶ Там же. Текст, выделенный курсивом, вычеркнут автором – А. В.

⁷ *Бенуа А.Н.* Мои воспоминания. – М., 1996. – Т. 2 – С. 307

⁸ Журналы «Зодчий». 1905–1907 гг.

⁹ *Заварихин С. П.* В. Я. Курбатов как архитектурный критик // Петербургские чтения: Тезисы докладов на конф. 23-27 мая 1994 г. – СПб., 1994. – С. 92-95

¹⁰ Архив РАН, Ф. 858, Оп. 1, Д. 124. Л. 4-6.

¹¹ Там же. Л. 6-7

¹² Там же. Л. 20.

¹³ Там же. Л. 12–13.

¹⁴ Там же. Л. 16–17.

¹⁵ *Векслер А.Ф.* Владимир Яковлевич Курбатов и его «Петербург» // История Петербурга. 2001, № 4. С. 3-9.

¹⁶ Отдел искусств в народной школе: (Объяснит. записка) / Комис. по устройству выставки при 1-м Всерос. съезде по вопросам народного образования. – СПб., 1913. 18 с.

¹⁷ Ныне хранятся в Отделе эстампов РНБ.

А. П. Иванова,
заведующая МБО ЦБС Петродворцового района

Использование коллекции краеведа В.А. Гущина в работе общедоступных библиотек Петродворцового района

Думаю, нет необходимости доказывать, что в наше время одним из приоритетных направлений библиотечной работы является – краеведение. Будь то, такая крупная библиотека, как ЦГПБ им. В. В. Маяковского или небольшая поселковая, материалы по родному краю (и вся деятельность, связанная с ними) являются той «жемчужиной», той «драгоценностью», которые и делают каждую библиотеку неповторимой. Центральная районная библиотека г. Петродворца не исключение. Я расскажу лишь о небольшой части нашей краеведческой работы, связанной с именем историка города Петродворца – Виталия Андреевича Гущина. Но в начале хочется сказать несколько слов о биографии этого замечательного человека.

В. А. Гущин родился 9 февраля 1939 г. в Ленинграде. Его отец Андрей Иванович, лесничий Гостилицкого лесничества, почет-

ный лесовод, участник Великой Отечественной войны, прошел от Ленинграда до Берлина. За подвиги на полях сражений был удостоен орденов Отечественной войны и Красной Звезды, многих медалей. Мать – Зоя Николаевна всю свою жизнь посвятила мужу и трем детям. Андрей Иванович, демобилизовавшись в 1946 г., поступил на работу в Ломоносовский лесхоз и построил в Старом Петергофе на Гостилицкой улице дом, в который и переселилась вся семья. К сожалению, при возведении 23-го квартала, дом был снесен.

Виталий Андреевич не был профессиональным историком. В 1956 г. В. Гуцин закончил 415-ю школу (ныне гимназия им. Александра II). В 1963 г. В. А. Гуцин заканчивает вечерний факультет Ленинградского института авиационного приборостроения и начинает работу в конструкторском бюро на Ленинградском электромеханическом заводе. Через семь лет В. Гуцин становится главным конструктором, а затем возглавляет комплексную лабораторию, занимавшуюся разработкой ряда крупных радиолокационных систем, предназначенных для сторожевых кораблей пограничной службы. За успехи, связанные с разработкой и внедрением новых радиолокационных систем, В. А. Гуцин награжден знаками «Отличник пограничной службы» I и II степени, тремя медалями, в том числе и в честь 300-летия Российского флота, имеет семь авторских свидетельств на изобретения. Радиолокационными комплексами его разработки и поныне оснащены десятки наших пограничных кораблей.

Увлечение историей Петергофа началось еще со школьных лет с коллекционирования открыток, преимущественно дореволюционных, с видами давно исчезнувших или перестроенных зданий, изменивших и свои названия, и свой облик городских улиц. Неизбежно возникали вопросы: что на них изображено, какова судьба этих зданий, их владельцев, жильцов?

Уже позже Виталий Андреевич много времени отдавал букинистическим магазинам, общению и взаимнообмену «случайными находками» с коллегами-собирающими. Появилось много друзей с похожими увлечениями. Его стали интересовать и другие свидетельства прошлого – значки, афиши, другие документы. Важным источником стали записи непосредственно, «с голоса», воспоминаний старых жителей, живых свидетелей истории, которых оставалось все меньше и меньше.

Началось кропотливое, многолетнее собирательство всего, что связано с Петергофом – исторической, краеведческой и мемуарной литературы, воспоминаний старожилов, путеводителей, различных справочников. Но главным была работа в архивах, просмотр сотен и тысяч дел, накапливание и обработка уникального материала по истории города.

По мере накопления материала появляются газетные публикации, он выступает перед общественностью, читает лекции, проводит экскурсии. Несомненной заслугой В. А. Гущина является организация периодических выставок, и в первую очередь в Центральной районной библиотеке, посвященных нашему городу, сопровождавшихся лекциями. Эти выставки привлекли внимание многих горожан. Здесь они открывали для себя неизвестный Петергоф, могли заглянуть в прошлое, здесь начал складываться тот круг людей, из которых в 1990 г. возникло общество «Возрождение Петергофа».

Собрав значительный материал, В. А. Гущин стал готовить к печати свои книги. К началу 90-х годов была написана история главной улицы города – Санкт-Петербургской. За последующее десятилетие подготовлено к печати и опубликовано около шестидесяти работ – от фундаментальных, богато иллюстрированных трудов по истории Петергофа и его жителях, до небольших, карманного формата книжек. До В. А. Гущина о Петергофе писали многие, но в повествованиях рассматривалась история дворцов и парков, а история самого города оставалась неизвестной. Виталий Андреевич смог написать целостную историю Петергофа, проследить ее на протяжении трехсот лет, показать наш город во всем его многообразии, рассказать о его буднях и праздниках, рядовых жителях и именитых дачниках.

Все работы В. Гущина отличаются необычайной, практически абсолютной достоверностью; каждый факт, даже самый незначительный, неоднократно проверяется им по различным источникам и публикуется только после всесторонней проверки. Он являлся самым авторитетным консультантом по вопросам, связанным с историей Петергофа. Именно он консультировал издателей краеведческих сборников, изданных для школ нашего города.

По его инициативе в Петергофе начали устанавливать мемориальные доски, первая из которых появилась на доме № 6 на площади Жертв Революции (бывшая Театральная улица) и была

посвящена архитекторам, работавшим и жившим в Петергофе; вторая установлена на доме № 3 по Самсоньевской улице, в котором жили управляющие Петергофом, и посвящена им. Самая действенная помощь оказывалась В. Гуциным и при установке других мемориальных досок.

Велика роль В. А. Гуцина в деле охраны исторических памятников города. Он неоднократно поднимал вопрос о приведении в порядок заброшенного и разграбленного Свято-Троицкого кладбища, восстановлении разрушенных надгробий. Его стараниями было восстановлено надгробие писательницы Н. Д. Зайончковской и издан «Петергофский некрополь», в котором указаны все известные захоронения.

В 1991 г. Виталию Андреевичу, одному из первых, было присвоено звание «Почетного Гражданина г. Петергофа», именно с большой буквы писал слово «гражданин» В. А. Гуцин.

В 2001 г., еще при жизни Виталия Андреевича, выходит первый том его монументальной, пятитомной «Истории Петергофа и его жителей», посвященной светлой памяти всех живших в Петергофе. Уже после смерти краеведа семья и друзья нашли возможность выпустить второй и третий тома пятитомника. Второй – посвящен району Старый Петергоф, третий – улицам района Новый Петергоф. К концу 2008 года планируется издать четвертый том, посвященный Петергофской императорской гранильной фабрике.

Много лет Виталий Андреевич доказывал необходимость создания Краеведческого музея г. Петергофа, который был бы центром, объединяющим всех, кому дорог наш город. Но музея, к сожалению, до сих пор нет.

20 декабря 2002 года Виталия Андреевича не стало.

Коллекция фотографий и открыток Виталия Андреевича Гуцина

Как уже упоминалось выше, основу коллекции Виталия Андреевича составили – фотографии и открытки. 7 августа 1839 г. считается днем рождения фотографии. Способ получения изображения на пластинке с помощью солнечного луча был назван дагерротипией, по имени одного из французских изобретателей.

Через пять лет, летом 1844 г., по-видимому, первый фотограф появился и в Петергофе. Это был художник В. Г. Шенфельдт, который жил в доме французского купца Жан-Франсуа Гане на Санкт-Петербургской улице. В. Г. Шенфельдт имел официальное разрешение снимать в Петергофе дагерротипные портреты.

На лето 1857 года получил разрешение жить в Петергофе ганноверский фотограф Людвиг Шварц. Любопытно, что снял он дачу в бывшем доме французского купца Гане, который принадлежал тогда уже булочному мастеру Геллеру.

Сведения о первой фотомастерской в нашем городе датируются 1864 г., когда кронштадтский мещанин Иван Германович Страхов открыл ее в доме вдовы действительного статского советника Ольги Боссе на Кадетской улице. Затем, в 1870-е годы, появился в Петергофе столичный фотограф Вульф Ильич Ясвоин. Он открыл здесь свою фотографию, но работала она только в летнее время.

В начале XX века в Петергофе было несколько фотографий, но самыми известными из них были две — Ясвоина, по-прежнему работавшая только в летнее время в доме доктора медицины Хайкина на Санкт-Петербургской улице, и круглогодичная, кронштадтского мещанина Георгия Георгиевича Нилова, в доме крестьянина Ярославской губернии Коршунова на Театральной площади.

На картонных паспарту фотографий Ясвоина изображались многочисленные награды, он был фотографом императорской семьи. У Нилова с наградами было намного скромнее, но и он являлся фотографом князя Георгия Максимилиановича Романовского герцога Лейхтенбергского.

Чрезвычайно высокое качество фотографий Ясвоина и Нилова позволяет им сохраняться в хорошем состоянии и до настоящего времени. Эти два фотографа запечатлели в своих работах людей и события безвозвратно ушедшей, прошлой эпохи Петергофа, практически не сохранившего не только свой прежний облик, но и потомков тех семей, что жили в нем в течение двух столетий!

Много снимали в Петергофе столичные и заезжие фотографы, фиксируя праздники, парады и различного рода торжества во время пребывания здесь Высочайших особ. Казалось бы, старые дореволюционные фотографии по Петергофу должны

попадаться часто, но, к сожалению, они, из-за последующих известных событий, встречаются теперь чрезвычайно редко.

Редкими стали и издававшиеся в конце прошлого и начале нынешнего веков прекрасные альбомы фотографий с видами Петергофа. Такие роскошные альбомы, в кожаных переплетах, с листами на картоне с золотыми обрезами, выпускал в 1880-е годы фотограф В. И. Ясвоин. Эти альбомы, к сожалению, теперь можно встретить только в очень крупных государственных библиотеках и музеях.

Много снимал в Петергофе известный фотограф Карл Булла, но его фотографии по Петергофу связаны, в основном, с пребыванием в городе Высочайшего двора. Нельзя не отметить и дореволюционных фотографов-любителей. К ним, в первую очередь, относится провизор петергофской дворцовой аптеки Карл Федорович Розенберг, который снимал не только виды парков, но и бытовые сцены, а также дома и улицы города. Именно его прекрасными фотографиями проиллюстрирован уже упоминавшийся путеводитель Михаила Михайловича Измайлова. К сожалению, при аресте сыновей К. Ф. Розенберга в 1928 г., большинство его фотографий изъяли при обыске, но кое-что все же чудом сохранилось у потомков Карла Федоровича.

Как это ни парадоксально, но наиболее доступной частью иконографии Петергофа оказалась открытка. Старые открытки с видами Петергофа нередко еще и сейчас можно встретить в букинистических магазинах. Возможно, это объясняется не только большей тиражностью, в отличие от единичных фотографий, но и большим количеством издателей (несколько десятков), которые их выпускали. В начале XX века только в Петергофе их было пять, значительно больше в Петербурге и Москве, а также в других российских и зарубежных городах.

Почтовые открытки с видами городов появились в России в начале 1890-х годов. Печатание видов городов на открытках почтового ведомства было разрешено частным лицам распоряжением министра внутренних дел от 19 августа 1894 года.

В начале XX века выпуск открыток приобрел массовый характер во многих городах России и за рубежом. Высокое качество полиграфии, разнообразие сюжетов, относительно низкая стоимость (от 3 до 30 коп. за штуку), привели к тому, что открытка стала предметом собирательства.

Открытки с видами Петергофа появились в конце XIX века, но выпускали их тогда только иногородние издатели. Первым и самым крупным издателем открыток в Петергофе в начале XX века стал Карл Иванович Эстер, владелец аптекарского магазина на Санкт-Петербургской улице. Издавал он их, как правило, сериями, с номерами подряд, а печатал за рубежом, чаще всего в Германии. К. И. Эстер выпускал открытки сериями до десятка сюжетов в каждой. Включая одиночные открытки, общее количество сюжетов изданных Карлом Ивановичем, составляет примерно сто.

Вторым крупным местным издателем был крестьянин Олонецкой губернии Иван Павлович Лукин, владелец магазина канцелярских принадлежностей в доме петербургского купца Николая Ивановича Напыльниковца на Санкт-Петербургской улице. Лукин издал одну серию открыток с №№1-68 и еще несколько открыток без номеров.

Кроме этих двух издателей, открытки с видами города выпускали Никодим Егорович Ружа (на открытках — Руже), Адольф Адольфович Вистгоф и Николай Петрович Коренев, владельцы различных петергофских магазинов.

Никодим Егорович Ружа жил в Новом Петергофе на Санкт-Петербургской улице в доме № 41 (дом Финтеклюза), издавать открытки он стал незадолго до начала Первой мировой войны. Выпустил он около полусотни открыток разных сюжетов, нумеруя их, но используя часто фотооригиналы первых двух издателей. С началом первой мировой войны на оборотной стороне некоторых его открыток появилась надпись «Птг. дозв. ценз.» с датой разрешения. Условия войны наложили свой отпечаток на качество открыток Ружа, они стали выпускаться на низкосортной бумаге, но, тем не менее, и у него встречаются оригинальные сюжеты с видами Петергофа: «Кривая улица», «Старо-Петергофский вокзал», «Главная аллея в нижнем парке» и другие.

Открыток, изданных магазинами Вистгофа и Коренева, обнаружено пока очень мало, их количество насчитывает единицы.

Самым крупным иногородним издателем являлась Община Святой Евгении, выпустившая по Петергофу более сотни открыток с различными номерами. Община выпускала черно-белые и цветные открытки, воспроизводившие изображения с фотографий, картин и рисунков художников. Среди открыток, выпу-

щенных Общиной Святой Евгении, были: «Водокачка в имени Принца Ольденбургского», «Бюст Принца Евгения Богарне» перед подъездом дворца в парке Сергиевка, «Заячий Ремиз», «Заветное. Ворота», «Столовая. Марли» и «Уборная Петра I. Марли» с акварелей Александра Николаевича Бенуа, «Александрия. Петергоф» с акварели Альберта Николаевича Бенуа, «Купеческий зал» Большого дворца, портреты смолянок художника Д. Г. Левицкого, находившиеся тогда в залах Большого Петергофского дворца, портрет отца императрицы Екатерины II, находившийся в Английском дворце, и многие другие.

Интересную серию открыток с видами Петергофа выпустило столичное издательство «Richard», в числе которых были: «Памятник Франсуа I» в Верхнем парке, «Здание офицерского собрания Лейб -Гвардии уланского полка», «Лютеранская церковь св. Петра», «Канцелярия л.-г. Конно-Гренадерского полка», «Водонапорная башня при гранильной фабрике», «Памятник императору Петру I с королем Людовиком XV на руках» и другие.

Из московских издателей больше всего выпустил открыток с видами Петергофа А. С. Суворин, причем они издавались отдельными сериями по Старому и Новому Петергофу. Нужно отметить, что к Старому Петергофу он отнес всю территорию города западнее Верхнего парка, включив в его состав и часть Нижнего парка.

Серия открыток по Новому Петергофу насчитывала 30 единиц, а по Старому — 21, причем каждая серия имела порядковый номер, начиная с первого. Издаваться они начали после празднования 300-летия дома Романовых в 1913 г., но выпуск их продолжался и во время первой мировой войны.

Из городов Российской империи открытки с видами Петергофа издавались также в Варшаве, где фирма Б. Боржиковского выпустила серию с №№ 54-67. На большинстве из них представлены только виды дворцов, павильонов и фонтанов Нижнего парка. За границей больше всего видовых открыток по Петергофу печаталось в Швеции (в Стокгольме) и Германии (в Берлине и Лейпциге).

Часто определить дореволюционного издателя открыток, не представляется возможным, так как часть издателей не наносила на открытки своих обычных реквизитов, а ставила только сокращения, например, JW. JJW. К.П.Л., А.М. К., E.L. No. Среди них

есть очень интересные и хорошо изданные открытки. Так, например, издательство под буквами К.П.Л. выпустило серию примерно из двадцати цветных номерных открыток, а JJW — больше десятка, также номерных открыток, оформив лицевую сторону каждой из них своим незамысловатым декоративным украшением.

В виде открыток практиковался тогда и выпуск простых фотоотпечатков. Наиболее интересными из них были открытки петербургского издателя А. И. Центера. Исследователи видовых открыток утверждают, что А. И. Центр выпустил более 1000 нумерованных видов Петербурга и его окрестностей, из них по Петергофу известны только пять, и все они связаны с Лейб-гвардии Конно-Гренадерским полком.

В настоящее время коллекция В. А. Гущина находится у его семьи, у наследников. Достоинство коллекции в том, что она остается цельной, неделимой. Дальнейшая ее судьба не известна.

Работа библиотек с наследием В.А. Гущина

Практически все издания трудов Виталия Андреевича находятся в фондах ЦРБ и филиалах ЦБС нашего района. Помогают работе библиотек изданные три тома «Энциклопедии» Гущина.

20 декабря 2002 г. Виталия Андреевича не стало, но уже в феврале 2003 г. в Петергофе в ЦРБ были проведены первые краеведческие чтения, названные в честь историка — «Гущинские». Кроме родных, близких Виталия Андреевича, известных и почетных граждан Петродворца, на Чтениях выступают школьники — участники ежегодных краеведческих чтений, которые уже более 30 лет организуются Домом Детского Творчества под руководством Льва Николаевича Укконена. Выступают лучшие участники этих чтений. Многие их ребят в своих работах либо опираются на материалы Виталия Андреевича, либо берут темы, уже «поднятые» в трудах краеведа. По результатам школьных краеведческих чтений муниципальным советом выпущено три сборника «Юные за Возрождение Петергофа!».

Для краеведческой общественности стало традицией собираться в декабре каждого года (в день памяти Виталия Андреевича) и подводить итоги ушедшего года. Родные и близкие

историка вспоминают о Гущине, о его вкладе в краеведение. Так в 2006 г. вышел третий том его «Истории Петергофа и его жителей». В 2007 г. собрались в библиотеке семейного чтения, где был представлен альбом «Путешествие в утраченный Петергоф». В его основу легли фотографии из архива Виталия Андреевича и акварели его сестры Алевтины Андреевны Максимовой с видами, в основном, Старого Петергофа. Издан он при поддержке средств муниципального совета МО «г. Петергоф». Это еще одна возможность прикоснуться к наследию краеведа.

В связи с выходом последнего альбома нельзя не рассказать о родной сестре Гущина – Алевтине Андреевне Максимовой. Художник, краевед, руководитель изостудии «Колорит» при лицее № 419, Алевтина Андреевна проводит большую просветительскую и краеведческую работу среди жителей не только Нового Петергофа, но и Старого Петергофа (богатого своей историей, но заново отстроенного после Великой Отечественной войны). Активно сотрудничает с библиотекой № 2 семейного чтения – организует выставки, встречается со школьниками, проводит Гущинские чтения на базе этой библиотеки. В год 300-летия Петергофа Алевтина Андреевна вместе со своими учениками создала рисованную книгу по истории Петергофа. В основу сюжетов этой книги легли архивные материалы и открытки из коллекции ее брата.

Список использованной литературы:

1. *Акимова Н. Ф.* Виталий Андреевич Гущин / Н. Ф. Акимова, В. С. Михайлова, А. С. Терентьев // История Петергофского краеведения: материалы к исследованию. – СПб, 1999. – С.17 – 19.
2. *Васильева Е.* Путешествие в утраченный Петергоф // Петергофский вестник. – 2007. – 13 дек.
3. *Гущин В.А.* Иконография города // Гущин В. А. История Петергофа и его жителей. – СПб, 2001. – Кн. 1. – С.430 – 453.
4. Путешествие в утраченный Петергоф. – Петергоф, 2007.
5. *Ярошук Н.* Открытки Н. П. Шмитт – Фогелевича // Antic-info. – 2005. – № 32. – С. 94–96.

*Г.В. Бахарева,
зав. Отделом БАН при ИРЛИ (Пушкинский Дом)*

Коллекция Толстовского музея в библиотеке Пушкинского Дома

Библиотека Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН – одна из крупнейших специализированных библиотек филологического профиля и единственное в нашей стране книжное собрание, являющееся базой для проведения научных исследований в области теории и истории русской и зарубежной литературы. Основана она была в 1906 году как один из отделов созданного в 1905 г. Пушкинского Дома. Целью основания Пушкинского Дома этого своеобразного памятника великому русскому поэту была задача собирать «его рукописи, его книги, вещи, ему принадлежавшие, его портреты, бюсты и все, когда-либо сказанное о нем в печати»¹. Позднее (и это было зафиксировано в «Положении о Пушкинском Доме») задачи его были определены шире первоначального замысла – собирать, хранить и изучать все, что касается жизни и деятельности представителей русской изящной словесности. Символично, что первым поступлением в библиотеку Пушкинского Дома была личная библиотека А. С. Пушкина, приобретенная Академией наук у наследников поэта в 1906 г. и привезенная в Пушкинский Дом Б. Л. Модзалевским, сыгравшим большую роль в основании библиотеки и пополнении ее фондов. Книжное собрание Пушкина стало не только началом библиотеки Пушкинского Дома, но и наложило свой особенный отпечаток на ее содержание и источники комплектования. В первые годы библиотека Пушкинского Дома пополнялась преимущественно за счет пожертвований и передач в ее фонды личных библиотек русских писателей, ученых, общественных деятелей, библиографов и коллекционеров. Так, Е. П. Казанович (первая заведующая библиотекой) из числа наиболее значительных поступлений за период с 1911 по 1913 гг. называет библиотеку друга Пушкина П. А. Плетнева, библиотеку И. Л. Леонтьева-Щеглова по новой русской литературе, библиотеку села Тригорское, книгами которой, как известно, пользовался А. С. Пушкин в период ссылки в Михайловское. И в

последующие годы библиотека собирала свои фонды за счет приобретения книжных собраний или отдельных изданий, а также за счет получения их в виде даров от частных лиц – родственников и друзей поэтов, писателей и коллекционеров. Так, в 1936 г. внучка А. Н. Островского М. М. Шателен передала в Пушкинский Дом личную библиотеку своего знаменитого деда, а в 1939 г. вдова А. А. Блока Любовь Дмитриевна Блок – библиотеку Блока.

В списке лиц, сделавших пожертвования в Пушкинский Дом, встречаем имена А. А. Бахрушина – основателя Театрального музея в Москве, П. П. Гнедича – писателя и переводчика, внучатого племянника поэта Н. И. Гнедича, почетного академика К. Р. (Великого князя Константина Романова), академика Ф. Е. Корша, А. Ф. Онегина (Отто) – создателя знаменитого Парижского пушкинского музея, А. Ф. Кони – известного русского адвоката и общественного деятеля. В фонд библиотеки Пушкинского Дома вливались также значительные по объему книжные собрания, находившиеся ранее в других организациях, например, в Пушкинском музее Александровского лицея, в Лермонтовском музее Николаевского кавалерийского училища, а также в Толстовском музее в Санкт-Петербурге, о коллекции которого сегодня пойдет речь.

Но сначала о самом музее. В январе 1908 г. в Петербурге под председательством известного юриста М. М. Ковалевского был организован Комитет почина по подготовке к всероссийскому чествованию Л. Н. Толстого по случаю его 80-летия. В комитет вошло около 40 известных деятелей культуры: писателей, ученых, художников, общественных деятелей (И. Е. Репин, Л. Н. Андреев, П. И. Вейнберг, С. А. Венгеров, Н. А. Котляревский, В. Г. Короленко, А. А. Шахматов и многие другие). Комитет начал активную работу. Были установлены контакты с провинцией, был создан аналогичный комитет в Москве. Друг Л. Н. Толстого М. А. Стахович (поэт, переводчик, собиратель фольклора), избранный секретарем Комитета, был отправлен за границу для установления связей с выдающимися деятелями литературы в Париже, Берлине и Лондоне, где также организовались комитеты по чествованию Толстого. Однако Л. Н. Толстой в письме М. А. Стаховичу выразил возражение против чествования и просил прекратить всякие приготовления к нему. Дальнейшее

развитие событий описывается в путеводителе по музею, составленном В. И. Срезневским и В. Н. Тукалевским² и вышедшем в свет в 1912 г.: «Мысль об устройстве музея имени Л. Н. Толстого зародилась среди его друзей и почитателей вскоре после того, когда так называемый «Комитет почина», образовавшийся для обсуждения вопроса о чествовании 80-летия дня рождения Л. Н. Толстого, по просьбе самого Льва Николаевича, прекратил свою деятельность. Отказавшись от чествования юбилея, комитет решил ознаменовать его тем или другим «общественным актом» и взял на себя выработку проекта «Общества для устройства Дома-музея имени Л. Н. Толстого» (с 1910 г. – «Общество имени Л. Н. Толстого»). Идея создания музея получила более или менее точное определение летом 1908 г. на I-ом Всероссийском съезде печати. В докладе, прочитанном В. Я. Богучарским³, было указано, что лучшей формой ознаменования юбилея было бы создание в Петербурге «литературного дома-музея имени Л. Н. Толстого», чтобы тем «увековечить <...> те духовные богатства, которые дал миру гений Толстого <...>» Съезд выразил пожелание не ограничивать задач музея обычными рамками, а стремиться к тому, чтобы в будущем доме-музее были «созданы <...> учреждения как для изучения произведений великого писателя, так и для ознакомления с ним широких слоев населения». Проще говоря, речь на съезде шла о необходимости создания в Петербурге единого для всей России культурно-просветительного и научного учреждения. Съезд постановил также начать сбор средств для передачи их Обществу имени Л. Н. Толстого, когда оно будет создано (официальная регистрация общества под председательством М. М. Ковалевского состоялась 27 января 1909 г.), а до его создания избрать на съезде комитет, которому поручить собирать средства и начать подготовительную работу по устройству Дома-музея. Комитет начал активную работу в столицах и провинции, а также за рубежом по сбору пожертвований, экспонатов, журналов и газет со статьями о Толстом, книг на русском и иностранных языках, а осенью 1908 г. приступил к организации в Петербурге первой Толстовской выставки⁴. Она была открыта в залах Театрального клуба (Литейный, 42) в марте-апреле 1909 г. и стала началом будущего постоянного музея – многие экспонаты выставки, которые поступили от учреждений и частных владельцев, перешли позднее в собственность музея. Но музей открылся

только через два года после закрытия выставки, а точнее, 27 марта (по старому стилю) 1911 г., и далеко не в том масштабе, который предполагался. Здесь, чтобы все дальнейшее было понятно, следует сделать небольшое отступление. Дело в том, что в том же, 1911 г., только несколько позже – 28 декабря был открыт Толстовский музей в Москве. Инициирован он был Московским толстовским обществом и началом его также была Толстовская выставка, открытая в 1911 г. в Историческом музее. В создании музея участвовали С. А. Толстая и Т. Л. Сухотина-Толстая и уже поэтому он имел неоспоримые преимущества, т.к. большую часть экспонатов получил непосредственно от семьи писателя, а это уникальное рукописное наследие, личные вещи и большое книжное собрание⁵. До 1920 г. он находился на Поварской улице, в 1920 г. переведен в здание на Кропоткинской ул., где находится до сих пор. Музей этот был сначала в ведении Наркомпроса, в 1939 – 1953 гг. – в ведении Академии наук, затем – Министерства культуры СССР, с 1956 г. – Министерства культуры РСФСР⁶. Как видим, организационная схема повторяла петербургскую, но все инициативы начались позже – через год после смерти Толстого.

Теперь вернемся в Петербург. Сначала Толстовский музей расположился на 1-й линии Васильевского острова, д. 24, кв. 8 – в небольшой квартире на 4-м этаже, которая изначально была тесной для развертывания запланированной экспозиции, а летом 1912 г. был переведен в более просторное помещение (тоже квартиру) по адресу: Большой пр. В.О., д. 6/13 (угол 2-й линии), кв. 7. Кстати, этот адрес указан на обороте титульного листа краткого описания Толстовского музея, вышедшего в 1913 г.⁷

По словам самих строителей музея, и это помещение не позволяло реализовать задуманное – показать в экспозиции все имеющиеся в Музее материалы, открыть читальню, выделить помещение для проведения заседаний или толстовских чтений. В этих условиях Музей мог выполнять только три задачи: собирать и хранить то, что имеет прямое или косвенное отношение к Л. Н. Толстому, и выставлять это для обозрения желающих, регистрировать все выходящие в России издания сочинений Толстого, отечественную и зарубежную литературу о нем и переводы его произведений на другие языки, а также издавать те рукописи, которые являются неоспоримыми документами для характеристики жизни и деятельности Толстого. Музей занимал в то время

шесть комнат, в четырех из которых были представлены художественные изображения (оригиналы и копии скульптурных и живописных портретов) Льва Николаевича и его семьи, автографы сочинений, письма, гравированные, литографированные, фототипические портреты и шаржи, иллюстрации к произведениям Толстого, ноты музыкальных произведений, афиши, некоторые личные вещи. В экспозиции были представлены даже предметы с изображением Толстого для рекламы тех или иных промышленных товаров. Одна комната была памятной – здесь были представлены материалы о трагических октябрьских-ноябрьских днях 1910 г., связанных с уходом из Ясной Поляны и смертью Л. Н. Толстого. Книги, т.е. издания сочинений Толстого и литература о нем занимали всего полторы комнаты. В этой же квартире обосновалось и Общество имени Л. Н. Толстого. По этому адресу музей просуществовал до 1924 г.⁸ Затем Музей получил помещение на Тучковой наб., д. 2а (вход с угла) (ныне – набережная Макарова). В то время (а точнее в 1919 г.) по ходатайству Толстовского общества Музей был передан в ведение Академии наук и при содействии директора Библиотеки Академии наук акад. А. А. Шахматова был принят на постоянное хранение при Библиотеке Академии наук «на точно определенных условиях, из которых главное было – сохранение самостоятельности Музея»⁹. В конце 1930 г. Толстовский музей был включен в состав Пушкинского Дома, который получил статус научно-исследовательского института и стал называться Институтом новой русской литературы. Как самостоятельное учреждение Толстовский музей прекратил свое существование.

Подводя итоги деятельности этой удивительной организации, нельзя не отметить энтузиазм и колоссальную работу его сотрудников не только в чисто музейной части. Музей вместе с Толстовским обществом занимался активной издательской деятельностью: здесь под ред. В. Д. Бонч-Бруевича издавались «Известия Толстовского музея», выходили в свет каталоги и путеводители по экспозиции, регулярно печатались отчеты о деятельности музея, готовилась к публикации переписка Толстого. Велась планомерная библиографическая работа, был организован учет всех изданий сочинений Л. Н. Толстого, составлялись указатели произведений Толстого и литературы о нем, которые «до сих пор остаются для нас примером в области методики

составления библиографических указателей и сохраняют свое справочное значение»¹⁰. После 1930 г. деятельность в области толстовской библиографии продолжалась Музеем им. Л. Н. Толстого в Москве.

Насколько полно поступившая в Пушкинский Дом коллекция соответствовала тому, что было в Музее, судить трудно – вполне вероятно, что часть ее ушла в Московский музей и другие места, где создавались экспозиции, связанные с Толстым. Во всяком случае, то, что оказалось в Пушкинском Доме, распределялась, как это обычно происходит с коллекциями, по характеру материалов по трем основным отделам Института: художественные изображения (скульптурные, изобразительные), фотографии, иллюстрации к произведениям, личные вещи и т. п. влились в собрание Литературного музея, рукописные материалы (очень малая часть от рукописной коллекции Музея – около 10 ед. хранения) – в Рукописный отдел, а книжная часть – в библиотеку, где она хранится в виде отдельного собрания, выделенного из общего фонда. Что представляет собой эта часть и каким образом она формировалась Музеем? Известно, что книги и дублетные экземпляры журналов были переданы Библиотекой Академии наук. Главное управление по делам печати предоставило коллекцию газет с материалами об уходе и смерти

Л. Н. Толстого, книги о Л. Н. Толстом, вышедшие в 1912 г., и периодически пополняло фонд Музея художественной и религиозной литературой. Регулярное снабжение своей продукцией обеспечивал ряд столичных и провинциальных издательств и редакций журналов, присылали материалы различные общества и индивидуальные дарители.

Сейчас, когда мы планируем приступить к описанию этого собрания, мы можем охарактеризовать его очень кратко, что называется «в первом приближении». Значительную часть коллекции Толстовского музея, хранящейся в библиотеке Пушкинского Дома, составляют издания произведений Л. Н. Толстого. Это полные собрания сочинений, собрания сочинений, собрания художественных произведений. Среди них следует отметить издание сочинений Л. Н. Толстого, начатое в 1864 г. и переиздававшееся (естественно с добавлением новых произведений) до 1911 г. 12 раз. Причем 12-е издание считается самым полным из всех печатавшихся в России. Оно готовилось при участии

С. А. Толстой и имеет лишь те сокращения, которые по цензурным соображениям сочла нужным изъять сама графиня Толстая. К редким изданиям относится «Полное собрание запрещенных в России сочинений Л. Н. Толстого», подготовленное издателем, публицистом и с 1883 г. ближайшим сотрудником Толстого Владимиром Григорьевичем Чертковым и изданное в Англии (Christchurch: Hants) в 1901 – 1906 гг. По словам В. И. Срезневского, это единственное на тот момент (на 1912 г.) издание с «неприкосновенным текстом: его не коснулась ни русская цензура, ни – часто невежественная – рука редакторов некоторых заграничных изданий»¹¹. Назовем также «Полное собрание сочинений гр. Л. Н. Толстого, запрещенных русской цензурой», изданное в 1906 г. изд-вом «Русское свободное слово», трехтомник «Посмертные (т.е. не изданные при жизни) художественные произведения Л. Н. Толстого», подготовленный к изданию по рукописям В. Г. Чертковым и изданный Александрой Львовной Толстой в 1911 – 1912 гг. Издания отдельных произведений занимают существенное место в толстовской коллекции, причем организаторы Музея стремились собрать первое и, по возможности, все последующие издания того же сочинения. Обращает на себя внимание громадное количество «народных», т.е. популярных, дешевых изданий, которое охватывает почти все стороны индивидуальной и общественной жизни Л. Н. Толстого. Основная масса народных изданий издана издательством «Посредник», одним из основателей которого был сам Л. Н. Толстой. Наибольшее количество во всей этой части собрания составляют, естественно, издания художественных произведений, затем следуют произведения религиозно-нравственного, педагогического и общественно-политического содержания. Раздел «Переводы произведений Толстого на иностранные языки» содержит издания, вышедшие на территории России или за границей на 30 языках, включая норвежский, венгерский, еврейский, якутский и даже эсперанто. Распространение переводов изданий Л. Н. Толстого по языкам (по убыванию): немецкий, французский, английский; в России – латышский, армянский, грузинский.

Переписка Толстого или только его письма представлены рядом изданий, вышедших в России, в том числе, подготовленных сотрудниками Музея. Наиболее значительным по высокому

уровню подготовки является издание переписки Л. Н. Толстого с его двоюродной теткой графиней Александрой Андреевной Толстой и ее воспоминаний о нем за 1857 – 1903 гг. Познакомившись с этим изданием в рукописи, Толстой назвал его своей лучшей автобиографией.

Весьма значительна подборка работ о Толстом на русском и иностранных языках – монографии, сборники, конволюты из отдельных оттисков, посвященные не только Толстому, но охватывающие многие стороны русской жизни (от литературы и искусства до общественно-политического и экономического уклада), а также издания трудов и произведений авторов из окружения Л. Н. Толстого – его друзей и знакомых. Здесь же собраны издания Музея и Общества им. Л. Н. Толстого: каталоги, путеводители, библиографические указатели и т.д.

Небольшой по объему раздел периодических изданий включает части комплектов или отдельные номера журналов «Бюллетень литературы и жизни», «Вестник воспитания», «Русское богатство», «Русский вестник», «Современник» и др. и подобран, по всей вероятности, таким образом, чтобы собрать, по возможности, первые публикации произведений Толстого в периодике (так, в «Русском вестнике» в 1865 г. публиковался роман «1805 г.», который явился началом «Войны и мира», в «Современнике» (1852. № 9) вышло первое напечатанное произведение – «История моего детства»). Возможно, задачей собирателей было также представить круг периодических изданий, к которым регулярно обращался писатель, и журнальные публикации, касающиеся жизни и творчества Толстого.

Что касается общего объема коллекции, то она насчитывает около 3000 ед. По количеству названий это меньше, т.к. многие издания в нескольких (трех и более) экземплярах. На целом ряде книг имеются владельческие или дарственные надписи – все их в процессе описания предстоит выявить и расшифровать. И конечно, необходимо выяснение полноты этого собрания, для чего потребуются архивные разыскания. В заключение хочу выразить надежду на то, что нам удастся решить все эти задачи, и к 2010 г., к столетию со дня кончины Л. Н. Толстого, при наличии целевого финансирования, подготовить к изданию описание коллекции Толстовского музея в библиотеке Пушкинского Дома.

¹ *Котляревский Н. А.* [Предисловие] // *Временник Пушкинского Дома.* 1913. СПб., [1914]. С. V.

² *Толстовский музей в Санкт-Петербурге: описание музея / сост. В. И. Срезневский, В. Н. Тукалевский.* – СПб.: Тип. А. Ф. Дресслера, 1912. – 192 с.

³ *Богучарский В. Я.* Литературный дом-музей имени Л. Н. Толстого в С.-Петербурге: (доклад первому Всероссийскому съезду печати). – СПб.: Типо-лит. «Энергия», 1908. – 9 с.

⁴ *Каталог выставки для устройства музея Л. Н. Толстого в Петербурге / О-во музея им. Л. Н. Толстого.* СПб.: Тип. Б. М. Вольфа, 1909. 112 с.

⁵ *Литературные музеи СССР: справочник.* М., 1981. С. 35-36.

⁶ *Российская музейная энциклопедия.* М., 2001. Т. 2: Н–Я. С. 244.

⁷ *Толстовский музей в С.-Петербурге: крат. описание музея / сост. В. И. Срезневский и В. Н. Тукалевский.* – СПб.: Сенат. тип., 1913. – 67 с.

⁸ *Никитенко Г., Соболев В.* Дома и люди Васильевского острова. М.; СПб., 2007. С. 82.

⁹ *Толстовский музей: путеводитель / ред. В. И. Срезневский.* Л.: Изд-во Акад. наук, 1928. С. 4

¹⁰ *Прозоров И. Е.* Библиографическая деятельность Толстовского музея при Академии наук: 1910 – 1920-е гг. // *XX век. Две России – одна культура: сб. науч. тр. по материалам 14-х Смирдинских чтений.* СПб., 2006. С. 229.

¹¹ *Толстовский музей в С.-Петербурге. 1. Описание музея / сост. В. И. Срезневский, В. Н. Тукалевский.* – СПб., 1912. С. 83.

***Е. В. Герасимова,**
библиотекарь иностранного фонда «Россика» РНБ,
кандидат исторических наук*

Великокняжеские библиофильские собрания

Жизнь книги измеряется столетиями, ее судьба вмещает судьбы многих людей и стран. Как носитель определенных идей – книга формирует человека, как артефакт – сохраняет на себе отпечаток его личности... Книжное собрание, запечатлевшее этапы развития личности собирателя, становится по выражению О. Г. Ласунского «... дневником. Каждая “единица хранения” есть отдельная строчка в этом воображаемом дневнике: она несет память не только о тех житейских обстоятельствах, при которых попала в данную коллекцию, но и сопутствующих им ощущениях, иногда очень ярких»¹.

Один из признанных мэтров отечественного книговедения М. Н. Куфаев считал, что изучение истории библиофильства «...немыслимо без исследования процессов собирательства библиофильских коллекций, немыслимо без изучения судьбы собирателей этих коллекций и всех перипетий их собраний, немыслимо без изучения миграции отдельных книг и целых библиотек»². Вдвойне справедливым становится этот тезис при изучении отечественной истории, вообще, и истории императорских дома Романовых и их книжных собраний, в частности.

Как элемент элитарной культуры императорское книжное собирательство имело отличительные черты, вызванные особыми масштабами и целями. Императорское и великокняжеское библиофильство, сохраняя сугубо индивидуальные черты, представляет собой ни что иное, как особую сферу государственной деятельности.

Важнейшим принципом и главной отличительной чертой императорского библиофильства со времен Петра Великого – стало собирание книг в государственных интересах. Всего к началу XIX века в «Собственных Е.И.В. фондах» насчитывалось свыше 30 уникальных книжных коллекций³.

Вторым основополагающим принципом стала установленная императором Павлом I традиция коллекционировать книги

«с целью иметь собрание разнообразно-энциклопедическое и лучшие книги по всем отраслям знаний в хороших изданиях».

При условии фактически полного отсутствия цензуры и самых широких финансовых возможностей подобный принцип собирательства дал уникальные плоды еще в царствование Павла I. Книжные коллекции Павловского, Гатчинского, Михайловского и Зимнего дворцов не испытали на себе воздействия ограничений на ввоз книг, принятых при Павле Петровиче и самым плачевным образом отразившегося на книжной торговле и собирательстве в Российской Империи.

Кроме того, сознание конечной цели собирательства некоторых разделов было продиктовано, прежде всего, государственными интересами, неотъемлемыми в сознании августейших собирателей от интересов личных. Об этом свидетельствует формирование секретных фондов, материалы которых рассматривались как источник сведений в области политики, экономики.

Еще одним отличительным, сугубо персональным признаком императорского библиофильства, стала такая уникальная его составляющая, как подносной экземпляр. Подносные экземпляры, всегда имея под собой конкретный повод, дают обширную, ясную, а главное реальную картину деятельности владельца – от меценатской до политической. Книги, полученные в дар от известных деятелей отечественной и зарубежной культуры, несут в себе весьма развернутые автографы и априори являются библиографическими редкостями (нумерованные экземпляры, отпечатанные на особой бумаге, заказной переплет и т.п.). Их можно тематически разделить на следующие виды:

1. Издания, посвященные истории правящих династий России и Европы.

2. Казуалии. Издания, посвященные важнейшим вехам в жизни адресата и его семьи (рождению, крещению, присяге, бракосочетанию, рождению детей, юбилеям).

3. Издания, запечатлевшие роль и конкретное участие адресата в каком-либо событии, проекте государственного, общественного или сугубо частного характера.

4. Благодарственные и приветственные адреса.

5. Издания (эстампы, научная и художественная литература), являющиеся достижениями полиграфического производства и переплетной техники, изначально подразумевавшие редкость,

уникальность исполнения (особая техника оформления; экземпляры, содержащие первые оттиски гравюр, гравюры, раскрашенные вручную, вклеенные фотографии и пр.), применение дорогостоящих материалов – шелка, бархата, драгоценных металлов и камней.

6. Экземпляры первых изданий книг, авторами которых являлись члены императорских и королевских фамилий, однополчане адресата, придворные.

7. Издания тематически соответствующие сфере личных интересов адресата. (Принимались лишь при волеизъявлении последнего, и могли быть им отвергнуты).

Последняя, из перечисленных особенностей в равной мере присуща императорскому и великокняжескому библиофильству, бурный расцвет которого пришелся в России на вторую половину XIX столетия.

Трансформация и развитие внутрисемейного устройства Российского Императорского дома (появление закона об Императорской фамилии), возникновение множества великокняжеских дворов, получивших больше свобод и возможностей (свобода выбора профессиональной деятельности и пр.), влияние встречных процессов либерализации общества, которым сопутствовал бурный рост отечественной книжной торговли и печати, а следовательно и библиофильства, – все эти процессы, взаимодействуя, способствовали возникновению еще одного типа библиофильства – великокняжеского.

Процесс великокняжеского библиофильского творчества был обусловлен теми же этапами, что и процесс формирования любого крупного библиофильского собрания⁴:

1. Определение направления (темы) своего собрания: на этом этапе проявлялись индивидуальные, эстетико-психологические склонности и пристрастия.

2. Деятельность по выявлению и отбору материалов носила также индивидуальный характер. Типичным было регулярное ознакомление с каталогами отечественных и зарубежных книгопродавцев. Переписка с известными издателями и букинистами, ставившими целью поиск особенно редких изданий. Многочисленные зарубежные турне и путешествия по России, в ходе которых приобретались букинистические редкости для собственных коллекций.

3. Деятельность по описанию как отдельных материалов, входящих в собрание, так и собрания в целом, базировалась на основе волеизъявления и выполнялось профессиональными библиотекарями.

4. Пристрастное индивидуально-психологическое отношение к книге и ко всему, что с ней связано. Подобное отношение к книге распространяется и на элементы в нее привнесенные: экслибрис, владельческий переплет, монограмма, инскрипты, маргиналии, вложения и пр.

5. Процесс изучения материалов собрания, результаты которого обогащали не только самих собирателей, но и многие сферы духовной жизни общества.

6. Устные выступления и доклады в отдельных, наиболее благоприятных, случаях – печатные статьи, в которых отражены результаты общения с книгой и ее изучение собирателем.

Для великого князя – библиофила книга важна и интересна как носитель определенной информации и как артефакт. При приобретении той или иной книги важным и определяющим фактором является не редкость (хотя и это имеет значение), а то, как данная книга вписывается в структуру собрания, отражающую воплощение самобытной идеи собирателя⁵. Особый социальный статус обуславливает непосредственную проекцию полученной информации на политическую, военную и государственную деятельность великого князя.

При этом основные факторы, обуславливающие возникновение великокняжеского типа библиофильства: отсутствие цензурного барьера, достаточно широкие финансовые возможности, свободный доступ к императорским семейным книжным и рукописным фондам, уникальный круг общения и ярко выраженная индивидуальность этих коллекций, при сохранении основного принципа собирательства в государственных интересах – ставят их в ряд исключительных. Они определяют две ключевых ипостаси августейших собирателей и ценителей книги – читатель-библиофил (творец новой субъективной реальности) – идеолог-правитель (творец новой объективной реальности)⁶.

Среди великолепного разнообразия великокняжеских библиотек второй половины XIX века выделялся ряд наиболее примечательных, бесспорно достойных именоваться библиофильскими. Это, прежде всего, уникальная военно-морская библиотека великого князя Константина Николаевича (по свидетельст-

ву современников, писавшего мемуары на арабском)⁷, завещанная, в основной своей части, библиотеке Генерального Штаба, превосходная книжная коллекция его сына поэта К.Р. – великого князя Константина Константиновича, значительная часть, которой хранится сегодня в ИРЛИ⁸, библиотека великого князя Владимира Александровича, основную часть фонда которой разделили между собой Нью-Йоркская Публичная и Российская национальная библиотеки⁹, ценнейшее книжное собрание историка великого князя Николая Михайловича¹⁰, уникальная военно-морская библиотека великого князя Александра Михайловича – «отца» российской авиации, сгоревшая в его дворце в первые послереволюционные годы¹¹, интересное собрание любителя нумизматики великого князя Георгия Михайловича¹², превосходные библиотеки великогерцогских семейств Лейхтенбергских¹³, Ольденбургских¹⁴ и Мекленбург-Стрелицких¹⁵.

Типологически великокняжеские библиофильские собрания могут быть подразделены следующим образом¹⁶:

1. Политематические собрания, посвященные нескольким, не связанным друг с другом темам или проблемам. Примерами таких собраний могут служить библиотеки великого князя Владимира Александровича¹⁷, великого князя Константина Константиновича, герцога Петра Георгиевича Ольденбургского, и Георгия Георгиевича Мекленбург-Стрелицкого и пр.¹⁸

2. Монотематические собрания включают в состав своих фондов материалы, посвященные одной или нескольким взаимосвязанным темам или проблемам. Среди собраний, относящихся к этому типу, можно назвать морскую библиотеку великого князя Александра Михайловича, собрание книг великого князя Николая Михайловича по истории французской революции.

3. Собрания, включающие в состав своих фондов издания, объединенные каким-либо формальным признаком: место, время издания, формат, издательство и т.п. Примером такого собрания может служить коллекция театральных программ и пригласительных билетов великого князя Бориса Владимировича.

4. Для выделения первых двух групп библиофильских собраний критерием служит тематика собираемых материалов, последняя группа выделена на основании формальных признаков книг, входящих в эти собрания.

Особенно наглядно уникальность такого малоизученного явления, как великокняжеское библиофильство, демонстрирует реконструкционно-исследовательский анализ некоторых великокняжеских собраний. Примером политематического собрания может служить замечательная в своем роде коллекция Владимирского дворца, принадлежавшая великому князю Владимиру Александровичу и его семье. Она насчитывала к началу XX века около 150 000 книг, эстампов, рукописей и других материалов. Уникальность коллекции определил в данном случае масштаб личности владельца и его государственная деятельность.

Императорское и великокняжеское книжное собирательство – это элемент так называемой элитарной, утраченной формы культуры, из которой лишь великокняжеская книга реально существует сегодня, и только она доступна для исследования. Являясь своеобразным ключом ко всем составляющим понятия «императорское и великокняжеское библиофильство», лишь она способна достоверно воссоздать и деятельность самого владельца. Вот почему дальнейшее развитие отечественной исторической науки будет неполным без создания виртуальной базы данных императорских и великокняжеских книжных собраний и ее всестороннего изучения. Выявление и описание императорских и великокняжеских книжных собраний сделает доступными для российских и зарубежных ученых неизвестные ранее архивные материалы, хранящиеся в книжных и рукописных фондах РНБ и других книгохранилищ.

¹ *Ласунский О. Г.* Человек и книга: (о некоторых этико-психологических аспектах современного библиофильства) // Актуальные проблемы теории и истории библиофильства: Тез. сообщ. 3-й Всесоюз. науч.-практ. конф. – Л., 1989. – С. 17–20.

² *Куфаев М. Н.* Избранное: Труды по книговедению и библиографоведению / сост., вступ. ст. и коммент. И. Е. Баренбаума. – М., 1981. С. 83.

³ Примером может служить каталог уникального собрания Власова, купленного Императором Николаем I: *Catalogue des livres rares et precieux de la Bibliotheque de m. de Wlassoff...* – Moscou, 1819. – 236 p.

⁴ *Петрицкий В. А.* Сущностные черты библиофильства // Актуальные проблемы теории и истории библиофильства: тез. сообщ. науч.-практ. конф. – Л., 1985. – С. 13–16.

⁵ Рац М. В. Заметки о библиофильстве // Вопросы методологии. – 1992. – № 1/2. – С. 148.

⁶ Куфаев М. Н. Книга в процессе общения. – М., 1927. – С. 30-34. Идеи М.Н. Куфаева, органично перекликающиеся со знаменитой триадой Бахтина, позволяют нам адаптировать последнюю применительно к великокняжеским собраниям и их собирателям. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. – М., 1975. – С. 403.

⁷ Кирилл Владимирович, вел. кн. Моя жизнь на службе России. – СПб., 1996. С. 37. В процессе подготовки исследования был обнаружен учебник арабского языка с многочисленными пометами и инскриптами из ученической библиотеки великого князя Константина Николаевича. – Е.Г.

⁸ Кузьмина Л.И. Августейший поэт. – СПб., 1995. – С. 146.

⁹ A dark mirror: Romanov and Imperial Palace Library: Materials in the Holdings of the New York Public Library. / Comp. by Robert H. Davis, Jr. – N.Y., 1999. – P. 44.

¹⁰ Быков А. В. Путь на Голгофу. Хроника гибели великих князей. – Вологда, 2000. С.15. Уникальная коллекция книг по истории французской революции великого князя Николая Михайловича хранится в иностранном фонде и еще ждет реконструкции. – Е.Г.

¹¹ Александр Михайлович, вел. кн. Мои воспоминания. – М., 2000. – С. 88.

¹² Быков А. В. Путь на Голгофу. Хроника гибели великих князей. – Вологда, 2000. – С. 30–32.

¹³ Palais de Son Altesse Impériale madame le Grand-Duchesse Marie Nicolaïvna. Trésors de l'art. – S.l., s.a. – 24 p.; 14 pl. ill.

¹⁴ Анненкова Э. А., Голиков Ю. П. Русские Ольденбургские и их дворцы. – СПб., 1997. С. 163-164.

¹⁵ Герасимова Е. В. О библиотеках герцогов Г. Г. и М. Г. Мекленбург-Стрелицких (по фондам РНБ) // Русская ветвь Мекленбург-Стрелицкого Дома: сб. трудов междунар. науч. конф. – СПб., 2005. С.234-240

¹⁶ Соскин Л. М. О классификации книгособирателей и личных библиотек // Книга и время: сб. ст. – М., 1980. С. 70–87.

¹⁷ Герасимова Е. В. Великий князь Владимир Александрович – государственный деятель, исследователь и библиофил (1847 – 1909): автореф. дисс. на соиск. ученой степени к.и.н. – СПб., 2007.

¹⁸ Герасимова Е. В. О библиотеках герцогов Георгия и Михаила Георгиевичей Мекленбург-Стрелицких. По фондам РНБ // Невский библиофил: альманах. – СПб., 2004. – Вып. 9. С. 95–104.

*Е. В Коршунова,
ведущий научный сотрудник отдела хранения открыток
Государственного музея истории Санкт-Петербурга*

**Авторы и авторские коллекции в собрании ГМИСПб.
Коллекция открыток С. М. Бабинцева
(1905 – 1992 гг.)**

Значительную часть музейного собрания ГМИСПб на сегодняшний день составляют открытки. Процентное соотношение различного рода предметов по отношению к открыткам составляет едва ли не «пятьдесят на пятьдесят». Не было бы большим преувеличением сказать, что открытки стали первыми музейными предметами, стартовыми экспонатами в составе коллекции Музея Старого Петербурга – одного из предшественников ГМИСПб.

До начала 1980-х годов открытки располагались в составе фондов русской и советской живописи и графики, а также в фонде архитектуры городов мира. В конце 1982 г. общее количество открытых писем составляло 26 тысяч. Учитывая объем этого вида музейного предмета, руководством музея было принято решение о создании фонда открыток, который был образован слиянием собраний открытых писем, хранившихся в различных фондах.

На данный момент все собрание открыток Музея условно подразделяется на базовое собрание и коллекцию Н. С. Тагрина. При этом не следует забывать, что базовая коллекция является собранием, составленным из нескольких частных коллекций: С. М. Бабинцева, Бабаевой, Тарасовой, Розенфельд.

В настоящее время базовая коллекция открыток насчитывает более 80 тысяч предметов. Хронологические рамки базовой коллекции охватывают период с конца XIX в. по 80-е годы XX в. Коллекция разделена на следующие инвентарные группы:

- Русские открытки до 1917 г. – 17823 ед. хр.
- Советские открытки – 42026 ед. хр.
- Иностранные открытки – 21051 ед. хр.
- Открытки научно-вспомогательного фонда – 2310 ед. хр.

В собрании музея хранятся открытки, посвященные космонавтике, этнографии, флоре и фауне различных уголков земли.

Значителен по объему раздел персоналий, особенно артистов. Есть открытки с юмористическими и карикатурными изображениями, жанровыми сценами. Представлены открытки с гербами, текстами и нотами песен, рекламой, агитационные открытки 1920 – 30-х гг. В собрании имеется большое количество поздравительных открыток.

Более трети всей базовой коллекции открыток (29068 единиц хранения) составляют открытки, приобретенные Музеем у коллекционера С. М. Бабинцева.

Неопровержимая истина: для любых коллекций, оставленных по тем или иным причинам хозяевами, и приютившихся в музеях в виде бывших частных собраний начинается совсем иная жизнь. Музей вынужден выступать в роли мачехи этих коллекций, и, к сожалению, мачехи иногда вполне классической. Жизнь предмета в частном и государственном собрании принципиально отличается. Происходит естественное отчуждение коллекции: любящего собирателя заменяет профессиональный хранитель.

Коллекционная множественность при этом не должна вытеснять авторскую индивидуальность коллекций, обезличивать их, подменяя понятием общего собрания, в данном случае, открыток. И Музей стремится помнить об основных принципах множественности – об авторских собраниях и их авторах, чтобы не дать авторским коллекциям безлико раствориться в общем музейном массиве.

Рассмотрим коллекцию С. М. Бабинцева более подробно: из двадцати девяти тысяч открыток на дореволюционные издания приходится всего 729 открыток, 143 почтовые карточки из дореволюционной части – это открытые письма с видами города Вятки. И это не случайно. Серафим Матвеевич Бабинцев уроженец Вятской губернии: он родился в 1905 году в Нолинске. Здесь окончил среднюю школу, потом учился в сельскохозяйственном техникуме. Серьезное увлечение литературой привело к тому, что он оставил техникум и стал штатным сотрудником сначала в редакции газеты «Вятская правда» (1926 – 1929 гг.), затем «Прииртышская правда» (1929 – 1934 гг.) города Семипалатинска.

Высшее образование Серафим Матвеевич получил в городе на Неве, где окончил Государственный педагогический институт им. А. И. Герцена. Там же им была защищена и кандидатская

диссертация «Иван Андреевич Крылов, библиография его произведений на русском и других языках (1786 – 1941 гг.)». Среди многочисленных публикаций, посвященных истории отечественного книжного дела и литературы, коллекционированию С. М. Бабинцев уделяет время и краеведению. Его перу принадлежат такие работы как «Литературные памятные места Ленинграда», «Заметки о периодике Семипалатинского края».

Вполне вероятно, что именно открытки с видами Вятки явились началом создания его коллекции. Каталога открыток посвященных Вятке не существует, анализ собрания этой части коллекции открыток Бабинцева сотрудниками музея не проводился. Но, исходя из общего количества открыток с изображениями этого небольшого российского города, можно заключить, что подборка является достаточно полной. Для сравнения скажем, что в коллекции Н. С. Тагина открытых писем по Вятке насчитывается 95 единиц. Тематическая подборка открытых писем по Вятке из коллекции Бабинцева, вероятно не может претендовать на исчерпывающую полноту, но, без сомнения, может дать представление об основных выпусках открыток, а в дополнении с открытками из коллекции Н. С. Тагина вполне может служить основой для подготовки каталога по городу Вятке.

Помимо легко объяснимого интереса, связанного с Вяткой, анализ коллекции Бабинцева позволяет сделать вывод еще об одной теме, интересовавшей Серафима Матвеевича. Это восток и связанная с ним тема творчества Н. К. Рериха.

Зарубежная часть коллекции, которая составляет 193 единицы хранения, посвящена исключительно Китаю, Монголии, Индии, Вьетнаму и Корее. Открытые письма периода 50 – 60-х гг. XX в. представляют видовую открытку, репродукционную и поздравительную.

Коллекция С. М. Бабинцева содержит достаточно полную подборку открыток по произведениям Н. К. Рериха, особенно открыток Издательства Евгениинской общины. Из 33 открыток, выпущенных издательством по произведениям Н. К. Рериха, 30 наименований имеется в коллекции Бабинцева.

В 20 номере журнала «Советский коллекционер» за 1982 г. была опубликована статья С. Бабинцева и М. Забоченя «Произведения Н. К. Рериха на открытках», в конце которой приводился

перечень открыток по произведениям художника. Составленный на основе двух собраний известных коллекционеров, он позволяет сделать некоторые выводы о том, насколько основательно данная тема была представлена в коллекции Бабинцева. Из приведенного списка изданий открыток Общины святой Евгении только одно наименование отсутствует в коллекции Бабинцева, а из 132 открыток советских издательств в его коллекции представлено 82 издания.

Попытка соотнести собирательское увлечение С. М. Бабинцева с его профессиональной деятельностью была одним из инструментов при анализе его коллекции. В то же время профессиональные библиографические навыки С. М. Бабинцева оказались весьма полезны для отечественной филокартии. В 1970 г. С. Бабинцев и Н. Тагрин впервые составили и опубликовали в журнале «Советский коллекционер» библиографический указатель, в 1971 и 1974 годах дополненный В. Шлеевым и М. Забоченем.

Причины, по которым коллекция С. М. Бабинцева стала составной частью собрания открыток ГМИСПб, а не РНБ, не совсем понятны. Но покупка ее в 1984 г., вслед за коллекцией Н. С. Тагриной, еще при жизни коллекционера (Бабинцев скончался в 1992 г.), возможно, проясняет ситуацию – желание коллекционера передать коллекцию в проектируемый в этот период времени Ленгорисполкомом **МУЗЕЙ ОТКРЫТОК**, в составе Музея истории Ленинграда.

Бокариус М. В.,
*заведующая отделом книжных фондов
Всероссийского музея А. С. Пушкина*

Собрание С. Л. Маркова и его жизнь в музее

Сергей Леонидович Марков – не просто коллекционер. Он – библиофил, ученый, для которого каждая книга значила гораздо больше, чем просто вещь или предмет. «Легендарный собиратель книжных редкостей», – называл его выдающийся коллекционер и искусствовед И. С. Зильберштейн, который утверждал, что за

всю свою жизнь видел два лучших личных собрания, заслуживающих научного описания, которые произвели на него неизгладимое впечатление – собрание В. А. Десницкого и С. Л. Маркова.

Еще до войны С. Л. Марков нашел «Записку о народном воспитании» – подлинник А.С. Пушкина, рукопись В. К. Кюхельбекера «Последний Колонна», которую тогда же опубликовал. Впоследствии знаменитая марковская пушкиниана почти целиком попала во Всероссийский музей А. С. Пушкина, кроме рукописи «Записки о народном воспитании», которая вскоре после ухода из жизни Сергея Леонидовича поступила в Пушкинский Дом вместе с рукописью Кюхельбекера. Говоря о марковских редкостях, можно упомянуть, например, «Тарантас» В. Соллогуба, томик весь проложен рисунками Г. Г. Гагарина, которые доказывают соавторство художника и писателя.

Иван Сергеевич Наумов – выдающийся букинист, один из близких Сергею Леонидовичу людей, хотел сохранить в целостности пушкиниану, выполняя тем самым завещание собирателя, и обратился к Музею Пушкина, который еще при жизни Ивана Сергеевича не раз собирался приобрести ее. В 1974 г. вдова С. Л. Маркова впервые пригласила меня домой на Садовую улицу и показала четыре тома подготовленного С. Л. Марковым каталога. Знакомство с собранием началось с чтения этих каталогов. Когда я дошла до издания «Руслана и Людмилы» и прочла сделанную сбоку запись Сергея Леонидовича, что он купил книгу в Лавке писателей и, видимо, никто не обратил внимания на то, что на первом листе есть автограф К. Ф. Рылеева («Из книг К. Ф. Рылеева»). Я спросила, правда ли это, и тогда впервые В. В. Маркова дала мне в руки книгу. Это первая изданная книга Пушкина с фронтисписом А. Н. Оленина, которую держал в руках Рылеев, – в дивном состоянии. Валентина Владимировна, глядя на меня, сказала, что поняла: это собрание должно быть в Музее А. С. Пушкина. Это был первый шаг в решении судьбы марковской коллекции.

Для С. Л. Маркова книга была самой жизнью. Сергей Леонидович родился в 1905 г. в Петербурге. Создавать свою библиотеку он начал с 16 лет, его первой серьезной покупкой стало шеститомное собрание сочинений Пушкина изданное под редакцией С. А. Венгерова. Любовь к книге была наследственной: еще его дед имел прекрасную библиотеку. С. Л. Марков дружил с

А. С. Сувориным, с букинистами, был знаком с Н. С. Лесковым и другими писателями. Учась в Институте гражданских инженеров, он работал ночами и в каникулы, чтобы иметь возможность приобретать книги. После окончания института участвовал в строительстве Театра Ленинского комсомола, много лет работал инженером в Театре музыкальной комедии.

С. Л. Марков рано определил для себя «характер и ориентацию» своего собрания, часто пересматривал его, оставляя на полках лишь то, что считал необходимым. Интерес к истории книги, желание донести до потомков ее подлинный, неповторимый облик, сохранить прижизненные издания, запечатлевшие авторские пометы и дополнения, автографы – вот что руководило им в поисках. С. Л. Марков писал: «библиофил выискивает и сохраняет редкие издания, гравюры и литографии, документы, предметы по интересующим его вопросам, принося тем самым серьезную пользу общему делу сохранения ценностей прошлого».

Перед войной он особенно увлекался собиранием французских иллюстрированных изданий XVIII века, совершенствовал знание французского языка для изучения этой части своей коллекции. Одна из особенностей коллекции Маркова состояла в том, что в одном ряду с книгами он описывал гравюры, авторские оттиски, иллюминированные литографии, иногда авторские рисунки, вложенные между страниц. Эти иллюстративные материалы имеют прямое отношение к определенной книге, и в каталоге они отражены как элемент библиографического описания – «вложения» или приложения к изданию.

В ряд книг С. Л. Марков поместил и редчайшие виды Петербурга и окрестностей: «Двенадцать видов Царского Села» Валериана Лангера, «Шесть видов Павловска» В. А. Жуковского.

К 1941 г. основные разделы коллекции были определены и в дальнейшем лишь пополнялись: пушкиниана, старый Петербург, русская книга XVIII – XX веков, книги XVII – XX веков на иностранных языках, переводы на русский язык, рукописи, изобразительное и декоративно-прикладное искусство.

Война резко разделила жизнь С. Л. Маркова на две части. В июне 1941 г. он добровольно ушел на фронт, жена с маленьким сыном уехала в эвакуацию, собрание осталось в блокадном Ленинграде и уцелело только благодаря заботам матери Валентины

Владимировны, которая, оставив свое жилье, переехала к Марковым и берегла коллекцию все блокадные годы. (Позже, когда кончилась война, она сказала, что выжила только потому, что не сожгла ни одной книги и согревала и берегла не себя, а их).

В 1944 г. тяжело раненный, потерявший правую руку С. Л. Марков был подобран немцами и отправлен в лагерь. В плену он учился писать левой рукой, в крошечной самодельной книжечке, озаглавленной им «Мое маленькое собрание», он по памяти писал о своем собрании: «Наш долг – сберечь полностью все достоинства и особенности книги для наглядного свидетельства будущим поколениям». В апреле 1945 г. С. Л. Марков был освобожден союзниками и оказался в центре для репатриантов в Канаде. Возвратившись, он не был выслан в Сибирь, но его долго не прописывали и не брали на работу. В конечном итоге он вернулся в Театр музыкальной комедии и с прежней страстью отдался собирательству.

В 1949 г. С. Л. Марков участвовал в юбилейной пушкинской выставке, представив прижизненные пушкинские издания и литературные альманахи той поры. Эту блестящую экспозицию долгие годы помнили пушкинисты и петербургские собиратели. В 1951 г. он принимал участие в подготовке 58 тома «Литературного наследства», предоставив виды Петербурга из своего собрания. В начале 60-х гг. С. Л. Марков стал страстно собирать издания начала XX века. Интерес к этим книгам зародился у него через любовь к художникам «Мира искусств»: от книжной иллюстрации – к поэзии серебряного века.

Все свободное время С. Л. Марков проводил у письменного стола, никогда не уезжал даже в отпуск. Он охотно показывал свои книги не только опытным библиофилам, но и начинающим собирателям, беседовал с ними, узнавал круг интересов, консультировал, считая образование молодых людей, любящих книгу и искусство – одной из главных задач. «Из таких людей вырастают новые собиратели, и тем самым увеличивается число культурных людей, заботы которых в свободные минуты направлены по полезнейшему для общего блага руслу».

После его кончины в 1964 г. В. В. Маркова-Кильгаст стала хранителем его собрания. Она ценила людей, с которыми Сергей Леонидович был дружен, и очень хотела, чтобы коллекция не расплылась, а осталась памятью о нем. Музей приобрел иллю-

страции известных художников к произведениям Пушкина из коллекции Маркова, редчайший вид дачи Китаевой и другие материалы. В 1975 г. В. В. Маркова приняла участие в выставке, организованной к 150-летию восстания декабристов в здании Лицея, предоставила ряд замечательных изданий. В 1982 году Музей купил часть коллекции – знаменитую марковскую пушкиниану – прижизненные издания Пушкина, подлинные рисунки известных художников к его произведениям, книги с автографами современников, письма.

Выполняя волю Сергея Леонидовича, желавшего, чтобы коллекция хранилась в одном месте, его вдова Валентина Владимировна остальную часть коллекции завещала Всероссийскому Музею А.С. Пушкина. В 1986 г. ее не стало, и собрание перешло в Музей.

В настоящее время в Музее А. С. Пушкина хранится около двадцати процентов книг из собрания и большая часть изобразительных материалов. В 1995 г. в Музее на Мойке была организована грандиозная выставка «Музей и коллекционер» из собрания С. Л. Маркова.

Последние годы жизни С. Л. Маркова были посвящены созданию уникального каталога: он делал уточнения, добавления, искал сведения о прежних владельцах редких изданий. Каталог коллекции был составлен, систематизирован и напечатан самим собирателем и изначально представлял пять объемных машинописных книг в переплете. Все эти годы я неоднократно ездила к В. В. Марковой читать каталоги с «лирическими отступлениями» собирателя, которые стали моими университетами. Не зря букинист И. С. Наумов при покупке редких книг любил наводить справки по этому каталогу личного собрания.

Готовя издание марковского каталога – «Собрание С. Л. Маркова»¹, мы стремились сохранить композицию, состав и наполнение разделов, комментарии, которые являются неотъемлемой частью многих записей, отражают его отношение к описываемой книге, воспоминания, как издание попало в его коллекцию. Часто, отталкиваясь от конкретного издания, С. Л. Марков подробно рассуждал об общих проблемах библиофильства – так рождались статьи и заметки, публикация которых (вместе с рукописной книжечкой «Мое маленькое собрание») достойно завершает марковский каталог.

Мне всегда хотелось выпустить каталог в виде библиофильской книги, чтобы факсимиле были отпечатаны на бумаге разных цветов, при публикации рукописей воспроизводились линии отрыва бумаги. Не все оказалось под силу современным типографам, но все же удалось добиться, чтобы труд человека, отдавшего книге жизнь, – каталог его собрания был выполнен, как следует: напечатаны экслибрисы, включены его статьи о книге и «лирические отступления» из машинописного каталога собственного собрания, которые когда-то потрясли меня. Хотелось, чтобы издание было доступно библиофилам.

После выхода книги в Музей стали обращаться люди, добавлять сведения о книгах, ушедших из коллекции Маркова (например, обнаружился исторический план Петербурга с экслибрисом С.Л. Маркова, не описанный в его каталоге).

Издание было хорошо встречено библиофилами, опубликован ряд рецензий, готовится к публикации рецензия Я. И. Бердического «Праздник, который всегда со мной» в сборнике «Библиофилы России» (2008, № 5). Такие собиратели культурного достояния, как С. Л. Марков, – подвижники, они сохранили культуру в нашей стране, где культурное наследие уничтожалось.

Сейчас перед нами новая задача – издать книгу о собрании основателя Музея А. С. Пушкина – М. Д. Беляева. Как известно, собрание отражает личность собирателя. Даже остатки собрания М.Д. Беляева, который не миновал заключения в Соловках, выявили его обширные связи, многообразные интересы, привели к художнику К. Сомову. Хочется связать концы с концами, сохранить собранное таким трудом культурное достояние. К сожалению, личные собрания в наших библиотеках, как правило, разобраны по фондам, поэтому грустно видеть в РНБ, например, распыленные и невостребованные сокровища. Ценность сохранения личных собраний понимают в немногих библиотеках, среди которых МГУ, где собрания хранятся в целости, под именем собирателя.

¹ Собрание С. Л. Маркова / Всероссийский музей А. С. Пушкина; сост. М. В. Бокариус; ред. Н. Г. Зазаренко. – СПб.: Глобус, 2007. – 287 с., ил.

Е.В. Конюхова,
исполнительный директор
Мемориальной библиотеки князя Г. В. Голицына

Научный архив Библиотеки Голицына

Мемориальная Библиотека князя Г. В. Голицына была создана в 1994 г. английским Благотворительным фондом «Голицын – Петербургу»¹. Главной темой Библиотеки стала англоязычная «Rossica» XX века (книги по истории, культуре, литературе России, вышедшие за рубежом на английском языке), а также публикации русской эмиграции. Подобные издания в советское время с трудом попадали в нашу страну из-за политической цензуры, в лучшем случае они оседали в отделах спецхрана крупных научных библиотек, в худшем – в архивах КГБ или подлежали уничтожению. Создатели Библиотеки Голицына поставили перед собой задачу хотя бы частично восполнить колоссальный пробел, вынужденно сложившийся в российских библиотеках, познакомить исследователей и читателей с западными публикациями о нашей стране. Эти издания, зачастую достаточно редкие, составляют основу Библиотеки Голицына.

Цель настоящего сообщения рассказать о сложившемся в последние годы научном архиве Библиотеки Голицына, показать его источники формирования и информационные возможности. Князь Г. В. Голицын (1916 – 1992)², в память о котором создана наша Библиотека, приходится внуком герцогу Г. Г. Мекленбург-Стрелицкому и графине Н. Ф. Карловой³, последним владельцам особняка на Фонтанке, 46 – здания, в котором расположены две петербургские библиотеки (Маяковского и князя Голицына). До революции огромный семейный архив герцогов Мекленбург-Стрелицких хранился в двухэтажном доме Конторы герцогов Мекленбург-Стрелицких и принцессы Саксен-Альтенбургской, находившемся по этому же адресу, во дворе (в послевоенные годы здание было надстроено еще двумя этажами). В 1928 г. часть архива (его хозяйственные документы) была передана в Ленинградский исторический архив на Английской набережной⁴. Отдельные документы, фотографии, гравюры и книги попали в Музей истории Петербурга, а основной массив архивных

материалов (общим весом 8 тонн) был перевезен в Москву в Архив Октябрьской революции⁵, в котором собиралось признанное идеологически вредным документальное наследие членов Дома Романовых и их родных. Там документы долгие годы находились на специальном режиме хранения: были не разобраны, не систематизированы, не описаны и не выдавались исследователям. Описи к фондам герцогов Мекленбург-Стрелицких и графини Карловой начали составлять только в конце 1950-х гг. Конечно, на полноте некогда единого архива не могли не сказаться два его переезда, раздел между несколькими хранилищами и разными городами: часть документов была утрачена. Занимаясь историей семьи князя Г. В. Голицына и здания, некогда принадлежавшего его предкам, мы в первую очередь познакомились с документами, хранящимися в ГАРФ, и по договоренности с руководством архива начали копирование фотографий и документов, отражающих общественную роль представителей этой семьи в жизни Российского государства. Герцоги Мекленбург-Стрелицкие внесли весомый вклад в военное дело, культуру, музыку, искусство, здравоохранение, образование, благотворительность дореволюционной России. Нами скопированы описи двух фондов, которые помогают на подготовительном этапе любых изысканий по истории этой семьи, ряд документов биографического характера, а также материалы, освещающие благотворительную деятельность герцогов Мекленбургских, их покровительство многочисленным петербургским учреждениям культуры, заведениям медицинского, социального характера. На основе этих документов нами были подготовлены постоянная выставка в стенах Библиотеки Голицына «*Последние владельцы особняка на Фонтанке, 46*», доклады к конференции «*Русская ветвь Мекленбург-Стрелицкого Дома*»⁶, регулярно проводятся экскурсии по особняку графини Н. Ф. Карловой.

Вторым источником пополнения архива Библиотеки Голицына стали документы по истории семьи князя Г. В. Голицына, переданные из Лондона его дочерью и вдовой – княжной Катей и княгиней Джин Голицыными. Большая часть материалов представляет собой копии дневников, писем, телеграмм, фотографий. Ряд документов посвящен дореволюционному, петербургскому, периоду жизни семьи герцога Г. Г. Мекленбург-Стрелицкого, включая несколько фотографий, сделанных в этом

особняке в 1900 – 1910-е гг. Не менее интересна жизнь наших героев в эмиграции: переданные материалы открывают новые факты их пребывания на чужбине. Фотографии из семейных архивов Голицыных в Англии сделали интересней нашу страничку в Интернете⁷. Документы, полученные нами из Великобритании, позволили опубликовать новые научные статьи, провести несколько выставок на их основе. Среди наиболее интересных выставок следует назвать *«Всегда любящая Вас Дагмара (Императрица Мария Федоровна и герцоги Мекленбург-Стрелицкие)»* в 2006 г., *«Князь Георгий Владимирович Голицын (к 90-летию со дня рождения)»* в 2006 г., *«Кавалергард Ее Величества князь Владимир Эммануилович Голицын»* в 2008 г. Понимая уникальность представленных на временных выставках документов и интерес, который они вызывают у петербуржцев, мы практикуем по окончании экспонирования оформление материалов выставок в альбом, доступный для читателей. Тем самым мы вводим в научный оборот, как новые архивные документы, так и результаты наших научных исследований, зачастую еще до их оформления в публикации.

Третий источник формирования архива Библиотеки Голицына – дар внука герцога Г. Г. Мекленбург-Стрелицкого доктора Карла Грегора Мекленбургского, живущего в Германии. Этот массив представляет собой в равной степени оригиналы и копии документов, подлинники которых хранятся в семейном архиве в Германии. Значителен хронологический охват этой части архива – с 1890-х до 1960-х годов, многие материалы – на немецком языке. Большая часть документов относится к периоду эмиграции, многие из них описывают жизнь в Петербурге-Петрограде до революции. Например, бесценные *«Воспоминания герцога Георгия Мекленбургского»*⁸ рассказывают об истории его семьи на фоне исторических событий начала XX века. Даритель этой части нашего архива, герцог Карл Грегор Мекленбургский, является не только хранителем семейного архива в Германии, но и занимается историей семьи. Подготовленные им публикации знакомят нас с традицией покровительства российской музыке предками герцога, с жизнью герцогов Мекленбургских в России и в эмиграции. Герцог К.-Г. Мекленбургский является автором *«Музыкальной антологии»*⁹, составленной на основе зарубежных публикаций, семейной биографии *«Памяти любимого отца»*¹⁰,

альбома фотографий с сопроводительными текстами «*Былые времена (1920 – 1950-е гг.)*»¹¹. Названные работы, несмотря на свой статус рукописей (подготовлены с помощью компьютера и напечатаны «семейным» тиражом в 5-10 экземпляров) по договоренности с герцогом Мекленбургским представлены на открытом доступе в Библиотеке Голицына. При этом автор ввел ограничения для пользователей, запретив цитирование или копирование его трудов без предварительного согласования с ним. Мы перевели с немецкого на русский язык одну из работ герцога Мекленбургского¹², сделав ее более доступной для наших читателей, и планируем продолжить эту работу в дальнейшем.

Научный архив Библиотеки Голицына представляет собой служебный архив, посвященный разным представителям нескольких поколений одной семьи. Он ни в коей мере не дублирует некогда находившейся в этом доме архив герцогов Мекленбург-Стрелицких, повторяя его лишь в небольшой части. Наш архив сложился из нескольких источников формирования и состоит преимущественно из копийных документов, а не подлинников. Данный факт нас не смущает, т.к. при современных средствах воспроизведения (сканировании, ксерокопировании, цифровой фотографии) копия приобретает все особенности оригинала. Условия, на которых переданы нам для хранения и изучения документы из разных стран потомками герцога Г. Г. Мекленбург-Стрелицкого, не позволяют использовать его широкой аудиторией. При работе с архивными документами мы ставим в известность лиц, передавших нам эти документы, о теме, над которой мы работаем, о планирующихся публикациях и возможном цитировании. Мы приняли эти правила, уважая волю семьи. Со своей стороны, понимая ценность материалов, переданных в Библиотеку Голицына, мы сами иницируем приглашение российских исследователей для изучения документов и их последующей публикации. Недавно мы получили согласие герцога К.-Г. Мекленбург-Стрелицкого на работу одного из петербургских ученых с хранящимися в архиве в Библиотеке документами по истории русской католической церкви за границей после 1917 г. Специфика тематики, множество рукописных документов на немецком языке еще долго не позволили бы нам заняться изучением данного аспекта жизни части русской колонии в эмиграции. Мы гордимся, что завоевали доверие разных представи-

телей потомков герцогов Мекленбург-Стрелицких, передающих нам все новые материалы. Благодаря полученным сведениям, мы осветили в своих публикациях ранее не звучавшие страницы русской истории, установили судьбы ряда лиц после 1917 г. Нами подготовлены статьи о покровительстве герцогов Мекленбург-Стрелицких Императорскому Русскому музыкальному обществу и Петербургской консерватории; о продаже потомками Великой Княгини Екатерины Михайловны Михайловского дворца; о благотворительной деятельности герцогов Мекленбургских в Петербурге; о руководстве графиней Карловой Порт-Артурским комитетом; о деятельности лазарета княгини Е. Г. Голицыной в особняке на Фонтанке, 46; об участниках Квартета герцога Г. Г. Мекленбург-Стрелицкого после 1917 г. и на многие другие темы¹³.

¹ Подробнее о Библиотеке и Благотворительном фонде см.: Конохова Е.В. В дар соотечественникам // Библиотека. 2003. № 6. С. 79-81; Ее же. Мемориальная библиотека князя Г.В.Голицына в Петербурге // Трибуна русской мысли. 2003. № 2. С. 197-202.

² Голицына К. Георгий Голицын // Фонтанка: культ.-ист. альманах. 2007. № 1. С. 32-34; Конохова Е.В. Русский дом Голицыных в Лондоне // Культурное и научное наследие российской эмиграции в Великобритании (1917-1940-е гг.). М., 2002. С. 424-443.

³ О семье герцога Г. Г. Мекленбург-Стрелицкого см.: Попова Г. А. Особняк графини Карловой. СПб., 1996; Красюков Р. Г. Русская ветвь Мекленбург-Стрелицкого Дома // Ист. генеалогия. 1994. № 3. С. 37-43; Русская ветвь Мекленбург-Стрелицкого Дома. СПб., 2005; Русская ветвь Мекленбург-Стрелицкого Дома: Труды междунар. науч. конф. – СПб., 2005; Ораниенбаум. Век XIX...: (По материалам выставки «Осколки зеркала»: К 150-летию Мекленбург-Стрелицкого Дома в России). – СПб., 2006.

⁴ Ныне Российский государственный исторический архив (РГИА).

⁵ Ныне Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ).

⁶ Русская ветвь Мекленбург-Стрелицкого Дома: труды междунар. науч. конф. – СПб., 2005.

⁷ www.galitzinelibrary.ru

⁸ *Mecklenburg Georg, Herzog zu. Meine Erinnerungen an Rußland, 1899 – 1917. Hinterzarten, 1994. 1048 S. Машинопись на нем. яз. Хранится в Мемориальной библиотеке князя Г. В. Голицына.*

⁹ *Mecklenburg C. G., Herzog zu. Verklungen, aber unvergessen: Eine kleine musikalische Antologie. Hechingen, 2002. 53 S. Машинопись на нем. яз. Хранится в Мемориальной библиотеке князя Г. В. Голицына.*

¹⁰ *Mecklenburg C. G., Herzog zu.* In memoriam Georg Herzog zu Mecklenburg & Dem Andenken meines geliebten Vaters. Hechingen, 1998. 49 S. Машинопись на нем. яз. Хранится в Мемориальной библиотеке князя Г. В. Голицына.

¹¹ *Mecklenburg C. G., Herzog zu.* Tempi Passati. Hechingen, 2002. 139 S.; 276 Phot. Машинопись на нем. яз. Хранится в Мемориальной библиотеке князя Г. В. Голицына.

¹² *Мекленбургский Г., герцог.* Памяти Георга, герцога Мекленбургского: Памяти любимого отца. Гехинген, 1998. 20 с. Машинопись. Пер с нем. Хранится в Библиотеке Голицына.

¹³ *Конюхова Е. В.* Русский дом Голицыных в Лондоне // Культурное и научное наследие российской эмиграции в Великобритании (1917 – 1940-е гг.). М., 2002. С. 439; *Ее же.* Благотворительная деятельность герцогов Мекленбург-Стрелицких в годы Русско-японской войны // Проблемы благотворительности в современном мире: Материалы 13-го Междунар. конгресса. СПб., 2005. С. 195-201; *Ее же.* Письмо В. Р. Бакалейникова о судьбе участников Квартета герцога Г. Г. Мекленбург-Стрелицкого // Зарубежная Россия, 1917 – 1945. СПб., 2004. Кн. 3. С. 405-410; *Конюхова Е. В., Попова Г. А.* Полемизируя с С. Ю. Витте: (к вопросу о продаже Михайловского дворца) // Исторические коллекции музеев. Прошлое и настоящее: Материалы научной конференции. – СПб., 2007. – С. 30-47.

Брюханова И. А.,
зав. отделом краеведческой библиографии
Н. А. Суратова, *зав. отделом научной литературы*
Фундаментальная библиотека СПбГПУ

Дар профессора Б. Э. Нольде

Фундаментальная библиотека Санкт-Петербургского государственного политехнического университета (ФБ СПбГПУ) начала свою работу с открытием в 1902 году Санкт-Петербургского политехнического института. В создании библиотеки и формировании ее фондов принимали участие ведущие ученые института, члены библиотечной комиссии Ю. Ф. Левинсон-Лессинг, М. А. Павлов, А. С. Посников, И. В. Мещерский, И. М. Гревс и другие. Достаточно высокое финансирование библиотеки при ее основании позволило создать хороший фонд русской и ино-

странной литературы по естественным, гуманитарным и техническим наукам, который пополнялся также за счет передаваемых библиотеке даров из личных собраний [1].

Библиотека богата книгами с автографами, экслибрисами и маргиналиями выдающихся ученых и общественных деятелей России (В. О. Ключевского, П. Б. Струве, Д. И. Менделеева, М. М. Ковалевского, А. Н. Крылова, М. А. Дьяконова и других), книгами с экслибрисами российских и западноевропейских книготорговых фирм, частных и общественных библиотек, изданиями, художественно оформленными и иллюстрированными выдающимися художниками.

Исторически сложившийся фонд редкой и ценной книги, наряду с индивидуальными изданиями, включает в себя мемориальные¹ библиотеки выдающегося государственного деятеля России, инициатора создания Санкт-Петербургского политехнического института С. Ю. Витте и видного ученого и общественного деятеля П. Б. Струве; фонды библиотек статистического кабинета им. А. А. Чупрова, кабинета экономической географии им. В. Э. Дена, кабинета истории техники им. В. В. Данилевского. В разное время в фонд библиотеки влились коллекции книг профессоров Ю. С. Гамбарова, А. П. Фан-дер-Флита, К. П. Боклевского, Б. Э. Нольде² и других ученых Политехнического института. К сожалению, в силу определенных обстоятельств, в библиотеке не сохранились описи и передаточные документы на получение данных коллекций. Большая часть коллекций растворилась в более чем 1,5 миллионном фонде основного книгохранилища отдела научной литературы. Изучение истории библиотеки, формирования ее книжных фондов, одна из задач научно-исследовательской работы, проводимой Фундаментальной библиотекой. В 2002 году в фонде отдела научной литературы было выявлено 240 изданий, являвшихся частью библиотеки барона Эммануила Юльевича Нольде³. О принадлежности книг Э. Ю. Нольде и факте дарения их его сыном, профессором бароном Б. Э. Нольде библиотеке Санкт-Петербургского политехнического института свидетельствуют штампы на титульном листе каждого экземпляра. Можно предположить, что дар был сделан после смерти Э. Ю. Нольде, в 1909 году. Все книги изданы не позднее 1909 года и включены в печатный инвентарь Фундаментальной библиотеки, вышедший в том же году. [2]

Выявленные 240 изданий представляют собой книги на русском языке, по следующим темам⁴:

- право, юриспруденция;
- воспитание, образование;
- политическая экономия;
- торговля и транспорт;
- административное право, управление;
- различные социальные институты и общества;
- политические науки;
- искусство;
- география;
- сельское хозяйство;
- геология

Почти все книги находятся в хорошем состоянии и имеют твердый (чаще владельческий) переплет. Самые ранние из них относятся к 1859 году («О праве наказания: речь, произнесенная в торжественном собрании Демидовского лицея, 29 ноября 1859 года» А. Чебышевым-Дмитриевым. – Ярославль: Тип. Фалька, 1859. - 74 с.).

На некоторых изданиях имеются дарственные надписи авторов или книгоиздателей: В. В. Есипова, Н. Д. Сергеевского, П. В. Макалинского, А. Ф. Кистяковского, Сергея Хрулева, П. Макушина и других.

По инвентарным книгам ФБ было выяснено, что 13 из подаренных Б. Э. Нольде изданий были актированы в период с 1947 по 1971 год. Причины списания выяснить не удалось в связи с окончанием срока хранения соответствующих учетных документов. Половину из списанных изданий составляли книги по церковному праву и религиоведению, например, такие как: «Грех и преступление, святотатство и кража» В. В. Есипова, изданная в типографии Маркса в Санкт-Петербурге в 1894 г.; «Преступления против религии в важнейших государствах Запада» историко-догматическое исследование Л. С. Белогриц-Котляревского (Ярославль: Тип. Фалька, 1886), а также «Каталог библиотеки второго отделения собственной Е. И. В. Канцелярии» в двух томах, изданный в 1880 г. [2].

По всей видимости, барон Э. Ю. Нольде имел большую библиотеку, о судьбе которой пока неизвестно. Однако есть предположение, что после его смерти она перешла в собственность его

сына Бориса Эммануиловича Нольде и в дальнейшем пополнялась им.

По материалам архива Российской национальной библиотеки установлено, что в 1919 году через Центральный Комитет государственных библиотек в Публичную библиотеку поступили книжные собрания (9 библиотек) известных российских общественных и политических деятелей, среди которых была и библиотека Б. Э. Нольде, состоящая из 3348 экз. (2680 названий). Там же находится «Реестр книгам Б. Э. Нольде...», включающий 2695 названий (15 названий дописаны 5.12.1920 г.) книг и периодических изданий на русском и иностранных языках. [3] По не уточненным сведениям это собрание было продано Публичной библиотеке в конце 1918 г. при содействии Александра Эмильевича Нольде⁵, бывшего ранее ее сотрудником. [4].

К сожалению, не удалось установить степень родства между Александром и Борисом Нольде (вероятна возможность того, что они были кузенами), и судьбы их до момента трагической гибели Александра Эмильевича очень схожи. Борис Эммануилович Нольде – барон, родился 14 декабря 1876 года в Петербурге. В 1895 году он окончил Первую гимназию и поступил на юридический факультет Петербургского университета. В 1897 году за сочинение «Политическое учение Руссо» был удостоен золотой медалью. В течение летних каникул 1898 года он слушал лекции известных профессоров в Гейдельбергском университете. После окончания Петербургского университета в 1899 г. Нольде по представлению Ф. Ф. Мартенса (русского юриста и дипломата, чл. Совета Мин-ва иностр. дел России в 1881 – 1909 гг.) был оставлен там для подготовки к ученому званию. В 1901 г. он был командирован Политехническим институтом за границу на два года для подготовки к званию профессора международного права. Занимался в качестве вольнослушателя в европейских университетах, много работал в библиотеках Берлина, Парижа, Брюсселя, Цюриха.

С 1 сентября 1903 г. Б. Э. Нольде был принят на должность доцента, а затем с 1905 по 1919 гг. занимал должность профессора СПб. Политехнического института. Преподавал он также в Александровском лицее, на Высших женских (Бестужевских) курсах и в Петербургском университете (профессор с 1917 г.). В течение 18 лет Б. Э. Нольде состоял на службе в Министерстве иностран-

ных дел Российской Империи, получил чин надворного советника, занимал в разное время посты директора юридического, экономического, административного отделов, начальника II-го департамента МИД.

Специализируясь в области международного и государственного права, Б. Э. Нольде подготовил и опубликовал более двух десятков научных работ, исследований, учебных пособий. В них он разрабатывал основные вопросы общей теории права и, прежде всего, вопросы действия норм права в пространстве пределов территориального действия законодательства, обосновал такие принципы, как суверенитет государств, недопущение дискриминации государств, их равенство, незыблемость границ, невмешательство во внутренние дела, соблюдение договорных обязательств. Являясь по своим воззрениям государственнымником, Б. Э. Нольде последовательно отстаивал неделимость России.

В своих научных трудах Б. Э. Нольде исследовал и обосновал принципы, основанные на исторической практике права:

- уважение к закону со стороны всех граждан независимо от их положения, верховенство закона;
- незыблемость, стабильность основных правовых норм;
- гуманизм права, защита слабого.

Наряду с научной и преподавательской деятельностью Б. Э. Нольде принимал активное участие в политической и общественной жизни России, являясь видным деятелем партии конституционных демократов. Он был одним из главных экспертов партии в области международных отношений. В годы Первой мировой войны Б. Э. Нольде являлся советником главы МИДа Сазонова С. Д. [5]

После Октябрьской революции в ноябре 1917 года Б. Э. Нольде, вместе с другими членами комитета по выборам в Учредительное собрание, подписал заявление с протестом против вмешательства Советского правительства в дела комитета и был арестован.

Из личного дела Б. Э. Нольде:

«Срочно. Смольный, Председателю Петроградского Совета т. Зиновьеву.

I ППИ [Первый Петроградский Политехнический институт – И.А.], в интересах института и науки, усерднейше ходатайствует об освобождении профессора Нольде, слабого здоровьем,

выдающегося ученого. Нольде арестован в понедельник, содержится в тюрьме, Нижегородская ул., д. 39.

Ректор: Левинсон- Лессинг. Проректор: Павлов. Декан: Ден.»
[6]

Благодаря ходатайству руководства Политехнического института через 4 дня Нольде был освобожден. В 1918 году Б. Э. Нольде продолжал активно участвовать в деятельности партии кадетов, занимался научной и преподавательской работой в Петроградском университете и в Морской академии, сохраняя должность профессора Политехнического института.

Летом 1919 года Б. Э. Нольде покинул Россию, выехав в Швецию.

Из личного дела Б. Э. Нольде:

«От 10 мая 1919 г. Удостоверение.

Сим удостоверяем, что профессор I ППИ по кафедре международного права Б. Э. Нольде командирован с научной целью на летнее время сего 1919 г. в Швецию для работы в библиотеках и архивах по вопросам, связанным с заканчиваемым им обширным сочинением по частному международному праву.

Ректор: Левинсон-Лессинг». [6]

(По другим сведениям, в это же время, нелегально перейдя границу с Финляндией, он эмигрировал во Францию).

В последнем документе из личного дела Б. Э. Нольде, сообщается:

«Г. проректору по учебным делам I ППИ от декана экономического факультета Дена от 16.09.1919 г.

Уведомляю Вас, что профессор Б. Э. Нольде в настоящее время не прибыл в институт для возобновления учебных занятий».
[6]

С весны 1920 года Б. Э. Нольде проживал в Париже и являлся членом парижской группы кадетов, возглавлявшейся П. Н. Милюковым. С середины 20-х годов Б. Э. Нольде отошел от политической жизни, но продолжал заниматься научной работой.

В годы Второй Мировой войны, во время германской оккупации Франции, Б. Э. Нольде участвовал в движении Сопротивления, за что награжден Орденом Почетного Легиона. Б. Э. Нольде был также награжден орденом Св. Станислава II степени, турецким орденом Меджидие IV степени и Бухарской Золотой Звездой III степени. В течение многих лет он являлся членом

ИЗЪ БИБЛИОТЕКИ
Бар. Э. Ю. Нольде.
Даръ Проф. Бар. Б. Ф. Нольде

*Всѣмъ членамъ
Россійской Академіи
на память
отъ благодарнаго
и почтеннаго
члена Академіи
Барона Эдуарда Юліевича
Нольде*

ВЪ ПРОШЛОМЪ И НАСТОЯЩЕМЪ.
*и Канцелярскихъ
П. Манушина.*
20/х 90.

СОСТАВИЛЪ

А. В. Адриановъ



ИЗДАНИЕ
„СИБИРСКАГО КНИЖНАГО МАГАЗИНА“
МИХАЙЛОВА И МАКУШИНА

260572

ТОМСКЪ

Типографія Михайлова и Манушина

1890



Международного института права и с 1947 года его председателем.

Б. Э. Нольде скончался 28 мая 1948 года в Лозанне (Швейцария), где и похоронен [5].

В фонде отдела научной литературы ФБ СПбГПУ имеется несколько изданий, автором, составителем или редактором которых является Борис Эммануилович Нольде⁶. Среди них его диссертационная работа «Постоянно нейтральное государство», на которой стоит штамп «Пожертвована Б. Э. Нольде 21/ХІІ.05»; литографированное издание его лекций «Пособие к курсу торговых трактатов...» (СПб., 1912. - 69 с. – Изд. Кассы взаимопомощи студентов С.-Петербургского Политехн. ин-та Имп. Петра Великого). Одна из книг «Очерки Русского государственного права» (СПб., 1911. - 554 с.) имеет надпись: «От автора»; два отдельных оттиска его очерков из разных изданий – с автографами Б. Э. Нольде.

Сборник действующих конституционных актов «Современные конституции» (СПб., 1905), одним из редакторов и авторов вступительной статьи к которому был Б. Э. Нольде, принадлежал С. Ю. Витте, о чем свидетельствует штамп на титульном листе 1-го тома. В настоящий момент книга находится в Книжном собрании С. Ю. Витте, хранящемся в ФБ СПбГПУ. Еще одно издание Б. Э. Нольде с его автографом принадлежит Библиотеке П. Б. Струве (Очерк международного частного права. - Юрьев: Маттисен, 1908. - 133 с.).

Кроме того, в фонде хранятся две книги Б. Э. Нольде на французском языке, изданные в 1925 и 1928 годах в Париже.

¹ *Чепарухин В. В.* Мемориальные книжные собрания начала XX века и их создатели. - СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2007. - 203 с. : ил. и портр.

² *Суратова Н. А.* Дар профессора Б. Э. Нольде Фундаментальной библиотеке // Из фондов библиотеки: сб. ст. Вып.1/ СПбГПУ, Фундаментальная библиотека. – СПб.: КопиСервис, 2002. – С.58-63.

³ Нольде Эммануил Юльевич (1854 – 1909), барон, потомственный дворянин, юрист, был видным российским сановником, государственным деятелем. Он окончил Училище правоведения (1875), состоял при Министерстве юстиции членом Комиссий для решения различных юридических вопросов. С 1906 года – член Государственного Совета, действительный тайный советник (с 1908). [7]

⁴ Информацию о книгах, принадлежащих Б. Э. Нольде, и хранящихся в фонде отдела научной литературы ФБ СПбГПУ можно получить в Электронном каталоге ФБ (<http://www.unilib.neva.ru/rus/lib/resources/орас/>), выбрав поисковый признак «Примечание» и введя следующие данные «дар Б. Э. Нольде». Адрес электронной версии каталога книжной коллекции Б. Э. Нольде, хранящейся в фонде отдела научной литературы ФБ СПбГПУ: [<URL:ftp://ftp.unilib.neva.ru/dl/331.pdf>](ftp://ftp.unilib.neva.ru/dl/331.pdf).

⁵ Нольде Александр Эмильевич (1873 – 1919) – барон, историк права. Из дворян. Отец – полковник, начальник Екатеринбургского губ. жандармского управления. В 1896 году окончил юридический факультет Петербургского университета. С 1900 по 1913 гг. служил в Императорской публичной библиотеке, был заведующим юридическим отделением. Работу в библиотеке совмещал с преподавательской деятельностью – профессор права Александровского лицея, Высших женских (Бестужевских) курсов. С августа 1918 года он был постоянным консультантом Центрального Комитета государственных библиотек под председательством А. В. Луначарского. 1 января 1919 года трагически погиб у пос. Териоки при попытке нелегально перейти российско-финскую границу.

⁶ Электронный каталог ФБ СПбГПУ (<http://www.unilib.neva.ru/rus/lib/resources/орас/>).

Использованные материалы:

1. Фундаментальная библиотека / авт.-сост. Н.К. Племнек, И.А. Брюханова, М.Л. Иванова. - СПб: Историческая иллюстрация, 2002. - 17 с.: ил.
2. Инвентарные книги ФБ СПбГПУ за 1909 – 1910 годы.
3. РНБ, ОАД, ф.2, оп.3, д.19, д.62.
4. Сотрудники Российской национальной библиотеки – деятели науки и культуры: библиографический словарь. Т.1. – СПб., 1995. – С.375-377.
5. Политические деятели России. 1917 год: биографический словарь. - М.: Национальное изд-во БРЭ, 1993. – С.238-239.
6. РГА СПб., ф.3121, оп.12, д.484 (личное дело Б. Э. Нольде).
7. Шилов Д.Н. Члены Государственного Совета Российской Империи. 1801-1906: биобиблиографический справочник / Ю.А.Кузьмин. – СПб., 2007. – С.564-567.

Директор издательства М. В. Тоскина
Технический редактор В. А. Никееенкова



Издательство «Сударыня»
196128, Санкт-Петербург, Московский пр., 149 В
Тел./факс: (812) 388-93-41

Отпечатано в типографии издательства «Сударыня»
196128, Санкт-Петербург, Московский пр., 149 В

Печать офсетная. Формат 60x84/16.
Гарнитура «Петербург». Печ. л. 6,25.
Тираж 500 экз.